

ЛЮДМИЛА КРИКУН

С любовью
от бабушки...

Людмила Крикун
С любовью от бабушки...

«Издательские решения»

Крикун Л.

С любовью от бабушки... / Л. Крикун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-686947-9

«Дорогим детям и внукам моим, любящая вас мама и бабушка...» Так начинается первая тетрадь истории нашей семьи в память и назидание, написанная рукой женщины, любящей матерью и бабушкой своим детям и внукам. Жизнь моей бабушки — как тихая нить, проходящая сквозь бурю XX века. Эта книга — её собственные воспоминания, записанные простой рукой в школьной тетради, где каждая страница пахнет временем, правдой и пережитым.

ISBN 978-5-00-686947-9

© Крикун Л.
© Издательские решения

Содержание

Дед	6
Отец	7
Козловы	11
Мои родители	22
21 января 1999 года	24
Конец ознакомительного фрагмента.	37

С любовью от бабушки...

Людмила Крикун

Редактор Крикун Владимир

© Людмила Крикун, 2025

ISBN 978-5-0068-6947-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1997 г.

Память о прошлом – это капитал, доходы с которого получает будущее.

Н. Грибачев

Дорогим детям и внукам моим, любящая вас мама и бабушка.

Милые мои, вы просили меня рассказать о наших корнях, о нашей родословной. Да, какая уж родословная у мужицкого сословия. Это дворяне, да графы, вели свою родословную чуть ли не от Рюрика, а мужик рожал мужика, и родословную свою передавал устно от дедов к внукам. Напишу я вам всё, что знаю о своих родных – по документам и по рассказам родителей. Так вот, ещё в 19 веке жил в бывшей Воронежской губернии мальчик, который мечтал о море, о кораблях и плаваниях. Был он любознательным, трудолюбивым. Предки его были выходцами из Киевской Руси, всегда считались русичами, а позже, с образованием Украины, стали и украинцами. Жили его родители рядом с тем местом, где ещё Пётр Великий заложил верфь для построения кораблей. Так уж получилось, что все в роду по мужской линии работали на судостроительных верфях. Были хорошими мастерами, судостроителями, плотниками. А этот пацан, мой прапрадед, так понравился корабельщикам, что взяли они его с собой на флот юнгой. И пришлось ему не только служить на флоте, а ещё и воевать с турками в Русско-турецкую войну. После демобилизации вернулся наш юнга домой, но уж никто не называл его по прежней фамилии. Так и остался он на всю жизнь Юнгой, а дети его – Юнгины. Так и стали мои предки носить фамилию Юнгиных. Юнгины мы, а настоящую нашу фамилию память не сохранила.

Дед

Дед моего отца, а мой прадед, был тоже Юнгин, а вот отец его, а мой дед, стал почему-то Юндиным. И Жил они уже не на Украине, а в Казахстане. В 1901—1902 годах был сильный голод на Украине и в центральной России, в связи с засухой. Царское правительство, чтобы предотвратить голодные бунты, решило крестьян из некоторых губерний Украины, а также Курской и Воронежской губерний, переселить в северный Казахстан. Каждому переселенцу было обещано по 20 десятин пахотной земли, да ещё пастбища. Вот, очевидно, по этой причине оказался мой дед в Казахстане. Жил он в селе Ак-Булак Актюбинской области, звали его Сергей Леонтьевич. Был он высокого роста, широкоплечий, сероглазый, очень красивый мужчина, грамотный, мастеровой (что было редкостью в тех местах, в то время), имел приличный земельный надел, добротный дом, который сам построил, занимался хлеборобством, животноводством, благо пастбища в Казахстане не меряны.

Была у деда мечта – стать богатым человеком, чтобы ни он, ни его будущие дети нужды не знали. Трудился он день и ночь, трудолюбивый и упрямый, и настойчивости хватало. Да только судьба злодейка редко поворачивалась лицом к беднякам. То засуха, то ветры суховеи уничтожат весь урожай, то мор пойдет по степи и погубит всех животных. С годами у деда начала развиваться скупость, порочащая с жадностью. Из-за этого было позже у него много неприятностей.

А пока он ещё молодой, полный сил и надежд, очень трудолюбивый, и жена ему попалась подстать: не высокая, светловолосая, быстрая в работе, весёлая и очень добрая, да приветливая – Матрёна Павловна.

И вот радость – 1 февраля 1905 года родился у них первый ребёнок, да ещё сын Василий – это и есть мой отец. Через год с небольшим ещё один сын Алексей, а потом до начала первой мировой войны ещё три дочери – Шура, Нюра, Милютина, и уже после войны – дочь Елена, сын Александр и дочь Вера.

В 1927 году умерла мать моего отца, моя бабушка Матрёна Павловна. Глупая это была смерть. Дед с утра ушёл на рынок продать кое-что из продуктов. Вот бабушка и подавала еду из подвала, бидоны с медом. Была она в очередной раз беременна, подорвалась и умерла. С этого момента кончились счастливые дни в семье моего деда.

Отец

Начало века было трудным. Неурожайное лето 1901, голодная зима, бескормица, падеж скота. К Рождеству были съедены все запасы, а тут ещё необыкновенно сильные морозы. В Москве до -42° , а на юге России ещё и метели, снежные заносы, дороги непроходимы, связь нарушена. Цены на хлеб и другие продукты питания взвинтились до небывалой высоты. А тут ещё затяжная грязная слякотная весна. Голодная смерть хозяйничала в бедняцких семьях и в городах и в селе. Крестьяне не смогли во время отсеяться, да и семян и тягла не хватало. И вынуждены они были отдавать свои земельные наделы богачам, или за скот и зерно для посева закладывать половину будущего урожая. Толпы крестьян с котомками направились в города в поисках работы и лучшей доли, пополняя армию городской бедноты. 1902 год был ещё труднее, ещё менее урожайным. Беднота ещё с осени ела хлеб с мякиной и половицей. Росло недовольство работных людей. Начались стачки, забастовки. Царь и его окружение, испуганные народным гневом, решили начать войну с Японией, дабы отвлечь народ от назревающего революционного движения. Быстро одели в серые солдатские шинели бывших крестьян и рабочих, погрузили в вагоны (царь сам лично вручал им иконки Божьей Матери) – и на Восток. Но большое расстояние (пришлось вести необученные и невооружённые войска через всю страну), и неподготовленность, несогласованность армии и флота, трусость и продажность военачальников обрекли эту затею на поражение. И пошли по сёлам похоронки, и появились калеки. Вой вдов и матерей слышался по всей стране. Это подняло ещё большую волну недовольства. Измученные голодом, войной и бесправием, люди решили искать защиты у царя.

9 января 1905 года, в воскресенье, повинувшись уговорам попа Гапона¹, толпы народа с детьми, с иконами пошли за милостью к царю-батюшке и были расстреляны на Дворцовой площади в Петрограде. Так царь расправился со своим народом. Весть о расстреле мирной демонстрации облетела всю страну. Россия бурлила! Народ собирался на митинги, строили баррикады. Так началась революция. Вот в какое время родился мой отец, а через год с небольшим – его брат Алексей. Видно, само их рождение в такое бурное время предопределило их будущее.

Мальчики вместе росли, вместе играли, были очень дружны и жить не могли друг без друга. Но по характеру и внешне очень отличались друг от друга. Василий рос быстро, тянулся вверх как тополёк, высокий, стройный, с большими серыми глазами. Он унаследовал от матери доброту и приветливость, от отца – любовь к животным, умение доводить дело до конца, аккуратность, настойчивость в достижении поставленной цели, граничащую с упрямством, чувство ответственности. Везде был слышен его заразительный смех, он умел расположить к себе, поэтому пользовался уважением у друзей-мальчишек, а позже – у одноклассников. Алексей же тоже был крупненьким, плотненьким, широкоплечим, очень спокойным и серьёзным мальчиком. Он очень любил своего брата и во многом подражал ему. Мальчики подрастали, и отец решил отдать их в школу. Он понимал большое значение обучения детей и мечтал сделать их большими людьми. В школе мальчики учились легко: Василий схватывал всё на лету, Алексей же брал усидчивостью.

Радовались родители успехам своих первенцев. Думали: выучатся хлопчики, женятся, будут жить, не зная нужды. Да только жизнь распорядилась по-своему.

---

¹ Поп Гапон (Георгий Аполлонович Гапон, 1870—1906) – русский православный священник, организатор «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» в Петербурге. Он возглавил мирное шествие рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 года, чтобы передать царю Николаю II прошение о помощи. Демонстрация была расстреляна войсками – событие вошло в историю как «**Кровавое воскресенье**» и стало началом революции 1905 года.

1 августа 1914 года Россия вступила в войну против Германии и её союзников. Богатая часть населения, а особенно интеллигенция, горячо поддержала решение царского правительства. На улицах проводились митинги с призывами вступить в ряды борцов за свободу братской Сербии. А всего-то надо было бы провести переговоры с кровожадным дядей Вилли² и австро-венгерским правителем. Но наш Николай Кровавый не посмел, струсил. А рабочие и крестьяне знали – война это опять мобилизация, опять смерть и кровь, опять новые вдовы и дети-сироты, опять неспаханые и незасеянные поля, опять голод. Бедная Россия! Не успели ещё оплакать погибших в русско-японской войне, убитых и расстрелянных в дни революции 1905—1907 годов, не забыли ещё реформы и столыпинские галстуки, а тут новая напасть. Прошла осень, зима и весна, а войне не видно и конца. Бездарные военачальники гнали на убой русских мужиков в солдатских шинелях, в угоду царским амбициям, в угоду союзникам – Англии и Франции. Через всю страну шли эшелоны с русскими солдатами, чтобы погибнуть в Прибалтике и Восточной Пруссии или ещё где – неизвестно за что, за какие грехи и повинности. А в России жизнь стала ещё труднее, ещё горче. В семье у деда было уже пятеро детей, и прокормить их было, ох, как трудно. Всех лошадей мобилизовали на войну, да и другой скот война съела. Нечем вспахать земельку, нечем и засеять, а семь ртов каждый день надо чем-то накормить. Вот и пришлось мальчикам летом идти к сельскому богатому под пастухи. Василию было десять лет, а Алексею – восемь с небольшим. Условия были вроде бы очень хорошие: за лето каждому – три мешка зерна и барашка, если сохранится все поголовье. Вот и бегали мальчики всё лето босые, с израненными, ободранными ногами, в рваной поддёвке, полуголодные за стадом овец. Старались. Терпели двойной гнет: и со стороны хозяина, и со стороны взрослых пастухов, которые эксплуатировали пацанов, бесчеловечным образом. Когда же пришла осень и настало время получать заработанное, хозяин вычел из зарплаты за питание, да за недостающих овец, да ещё и обругал их. Так ни с чем и пришли братья домой. Василий только скрипел зубами, а Алёша горько плакал. Мать пожалела мальчиков, погладила по головкам и тихо вздохнула. Да ничего не поделаешь – куда делись недостающее овцы, дети не знали: то ли волки задрали, то ли пастухи, а наказали пацанов. На следующее лето опять батрачили и опять ничего не получили. Горько было и обидно не только за себя, страшно было слышать, как голодные сестрёнки просят есть.

Шла война, и некогда богатый край становился запущенным, неухоженным. Поредели тучные стада овец, не было уже тех табунов лошадей, ветер гнал бурьян по пашням. Да и самих пахарей не видно – кто ещё воевал, а кто уже сложил свою голову. Никому не нужны были плотницкие способности деда – некому ныне строить дома, и даже на ремонт не было средств. Разве только богачи задумают сделать пристройку или кошару³ для овец, а то и новые хоромы – тут уж не зевай, чтобы другие мастера не перехватили!

Матери моего отца, тоже пришлось идти на заработки к богатым: то стирать, то работать в поле. Да и то брали её неохотно, знали, детей куча, и все мал мала меньше. Мальчишки же были и работниками, и няньками.

Ох, как они ненавидели деревенских богатых, и в то же время видели, как народ не доволен правительством, войной, которой не видно конца. И только богачи наживались на этой проклятой войне да на людском горе. У них и зерна полные амбары, и скота не счесть, и на войну не были взяты. А в школе тоже к детям бедняков относились с презрением. Надоели ежедневные молебствия. В школах в то время ещё применялись телесные наказания, особенно люто-

---

² «Кровожадный дядя Вилли» – ироничное народное прозвище германского императора **Вильгельма II (Wilhelm II, 1859—1941)**. Он был двоюродным братом российского царя **Николая II** (оба – внуки британской королевы Виктории). Вильгельм II считался агрессивным монархом и символом милитаристской политики Германии накануне Первой мировой войны.

³ *Кошара* – загон или помещение для содержания овец. Обычно представляет собой ограждённую площадку с навесом или лёгким укрытием, где животные ночуют и укрываются от непогоды. В южных и степных районах России и Казахстана кошары нередко строили из самана, глины или хвороста.

вали попы на уроках по изучению Закона Божьего. Палкой наказывали всегда только детей бедняков. Сам батюшка часто бил детей линейкой по рукам, вызывал родителей, и даже мог поставить вопрос об отчислении из школы провинившегося школяра. Обучение в двухклассных церковно-приходских школах было бесплатным. В этих школах, как правило, приучали детей к послушанию, терпению и страху Божьему. Учителя часто были дьячками или священниками. И все равно за обучение детей попа надо было чем-то «отблагодарить». А кто хотел учиться дальше должен был платить за учебу в четырехклассном училище.

Мальчики уже учились в городском училище в г. Актюбинске, когда до них дошла весть: в России началась буржуазно-демократическая революция. Опять появились на улицах толпы недовольных, стихийные митинги, демонстрации. Армия дезорганизована, на фронтах братание с противником. Царь отрёкся от престола в пользу брата Михаила⁴, но и тот не подхватил падающий скипетр власти. Временное правительство тоже не могло навести порядок в стране.

Братья бегали на митинги и ничего не могли понять. Одни кричат: «Война до победного конца!», другие призывают: «Бросай оружие! Конец войне, пусть буржуи воюют, земля бурьяном заросла, сеять пора!». Везде грабежи, предательства, убийства, спекуляция. Многие воинские части отказывались вести военные действия. Солдаты убивают ненавистных им офицеров, проводят митинги: «Хватит проливать кровь за богатеев! Хватит кормить вшей в окопах! Свобода!»

В такой напряжённой обстановке прошло всё лето. Осенью в школах дети узнали, что по всей стране создаются Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Ученики старших классов и средних тоже тайно собирались на собрания, спорили, шумели. И среди учащихся тоже были сторонники разных взглядов, как и в обществе. Знали они уже, что в России много партий: и большевики, и меньшевики, и эсеры, и монархисты, и социал-демократы, и кадеты, и анархисты... Трудно было разобраться этой мешанине.

В Петрограде, в Смольном, уже заседало новое правительство во главе с В. И. Лениным, а в Казахстане ещё ничего не знали. И вдруг как бомба врывается новая весть о революции – теперь уже не буржуазной, а нашей, пролетарской. И первые декреты:

– О мире – прекратить войну и заключить мир на любых условиях, чтобы спасти народ от кровопролития;

– О земле – земли передаются крестьянам в вечное и безвозмездное пользование, они заплатили за неё кровью и потом;

– О заводах и фабриках – рабочим;

– О власти – власть в стране принадлежит трудящимся в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Народ ликовал! На улицах беднота, как в великий церковный праздник, обнимались и целовались. Но установить власть Советов было не так-то просто. В каждом населённом пункте шла борьба между сторонниками и врагами Ленина. И шла она не на жизнь, а на смерть. Началась Гражданская война. Она была долгой и кровопролитной. Крестьяне громили помещичьи усадьбы, лавки купцов. В городах рабочие брали в свои руки фабрики и заводы. Но не тут-то было! Царские генералы быстро создают белую добровольческую армию из офицеров, которые безжалостно убивали, расстреливали, уничтожали всё новое, только нарождающееся. В феврале 1918 года специальным постановлением Советского правительства была создана Красная армия из бывших солдат, рабочих и крестьян. Столкнулись два слоя населения – имущие и неимущие. И те, и другие отстаивали свои права на жизнь, на собственность, на свободу. Битва была жестокой и непримиримой, принесла много жертв с той и другой

---

⁴ Великий князь Михаил Александрович Романов (1878—1918), младший брат императора Николая II. После отречения Николая 2 марта 1917 года Михаил формально стал наследником престола, но отказался принять власть без решения Учредительного собрания, фактически прекратив династию Романовых.

стороны, но особенно много погибло простого, необученного народа. Белогвардейцы, кадровые офицеры, пленных не брали, уничтожали всех подряд. Народ начал понимать, где друзья, а где враги. Росло сопротивление, росла ненависть. Во многих сёлах стихийно создавались партизанские отряды, которые возглавляли возвратившиеся с фронта солдаты. Они несли слова Ленина, рассказывали о революционной борьбе, о целях и программе большевистской партии. Проводили собрания, митинги, и везде во всём активное участие принимали мальчишки. Гражданская война шла на убыль, налаживался порядок, хотя то в одном, то в другом месте вспыхивали ещё схватки с бандитами.

Поэтому ни для кого не было неожиданным, когда в школе объявили собрание. Все собрались в актовом зале, стали выбирать президиум, назвали фамилии самых стойких и активных старшеклассников. Потом спросили средние классы, и тут сразу несколько голосов выкрикнули: «Юндин! Василий!». Тут же его избрали в школьный совет. Первым делом на совете решили отменить богослужение и изучение Закона Божьего в школе (церковь была отделена от обучения). Отменить всякие наказания, отменить преследования и исключения из школы по политическим и имущественным мотивам. Так уже в тринадцать лет отец встал на путь активной борьбы за новую жизнь. Впереди ещё четыре года гражданской войны, но была радость и надежда, что народ победит, и не придётся больше никому и никогда обращаться, и никто не посмеет их унижать и оскорблять.

А дома всё по-другому. Не понял дед Сергей суть революции. Только-только начал налаживать жизнь, надеялся, работал, копил деньги, занимался хозяйством. Советская власть дала ему много земли, на всех членов семьи, а пастбищ в Казахстане немеряно. Так что, с умом думалось, можно выйти в люди. А теперь что же – конец мечты? Особенно раздражал его призыв о равенстве. Быть равным с лодырями, с попрошайками, с оборванцами он не хотел.

После окончания обычной школы мальчишки, теперь уже юноши, поступили в Оренбургскую школу взрослых повышенного типа ГУППОЛИТПРОСВЕТА⁵ (в старших классах с программами четырёхклассных гимназий) с правами, предоставленными окончившим курс трудовой школы второй ступени. Успешно окончили её и поступили в Оренбургский Зооветеринарный техникум. Общежитий для студентов не было, вот и пришлось братьям искать квартиру.

---

⁵ **ГУППОЛИТПРОСВЕТ** – сокращённо *Губернский отдел политического просвещения* (в некоторых источниках также *Губернский политпросвет*). Это государственная структура в Советской России 1920-х годов, занимавшаяся организацией образования взрослых, ликвидацией неграмотности и идеологическим воспитанием населения. При ГУППОЛИТПРОСВЕТАх действовали школы для взрослых, клубы, библиотеки, народные университеты и курсы политического обучения.

КОЗЛОВЫ

Моя мама родилась в селе Форштадт Оренбургской губернии в большой, многолетней и очень дружной семье. Отец её, мой дедушка, Василий Фёдорович, был портным, мастером высокого класса, имел свою мастерскую в городе Оренбурге, шил под заказ индивидуально военную форму для старшего командного состава, обшивал их жён и вообще богатых людей. А жена его, Феодосия Афанасьевна, помогала ему, да вела домашнее хозяйство.

Дед мой, по маминой линии, был выше среднего роста, плотный, приветливый, добродушный и очень трудолюбивый. Лицо у него такое, что, глядя ему в глаза, хотелось улыбнуться. Голубые глаза, темнорусые волосы, широко скуластое лицо – образец обыкновенного русского человека.

А вот бабушка – прямая противоположность: невысокого роста, смуглая, кареглазая, черноволосая красавица, очень серьёзная, необыкновенно трудолюбивая и в то же время добрая и отзывчивая. Благодаря её трудам и заботам в доме всегда был мир и порядок, дети присмотрены и накормлены. И сама обстановка в семье была уважительная и иронично-шутливая. Глубоко верующая бабушка состояла в церковном совете и очень любила вместе со всей семьёй ходить в церковь. Нарядит, бывало, всех своих детей, да в праздник выйдут всей семьёй. Отец в плисовом костюме, да в белой льняной рубашке с вышивкой, в хромовых сапогах в гармошку. Мать в тёмно-синем кашемировом платье, да в шёлковой шали, а дети – любо глянуть. Мальчики в костюмчиках, младшие дочери в кружевах да в лентах, а старшие – в длинных шёлковых платьях. У каждой на спине лежала коса с большим бантом. Вся улица любовалась когда шёл портной со своим семейством. Мама часто вспоминала, какая бабушка была выдумщица. В то время в моду вошли белые гетры (ботинки высокие со шнуровкой). Так бабушка куски сукна зимой мочила и выбрасывала на мороз. После нескольких таких процедур сукно белело, а потом из него шили гетры для девочек.

Было у моей мамы две старшие сестры – Екатерина и Анна, и два старших брата – Георгий и Дмитрий, и две младшие сестры – Наталья и Юлия, и два младших брата – Гриша и Коля. А мама моя, Антонина, как раз посередочке. В семье к каждому ребёнку относились с любовью и уважением. Мама часто вспоминала, как они ездили к дедушке и бабушке – родителям её отца. Жили они на Северном Урале в небольшом селении. Дома там стояли на сваях, и когда начиналось обильное снеготаяние, то от дома к дому ездили на лодках-долблёнках⁶. Мама шутя называла это место Северной Венецией. Люди там занимались лесным промыслом: бортничеством (пчеловодством). Ульи делали из выдолбленных пеньков деревьев. Собирали и заготавливали впрок грибы, ягоды, ловили рыбу, сплавливали лес. А мясо оленей сушили, зимой варили щи в большом котле. Клади туда мясо, капусту квашеную, всякие пряности и заправляли. Готовые щи выливали в большое деревянное корыто на мороз. Перед обедом отрубывали куски мёрзлых щей, клали в чугунок и в печь. Как разогреется – и обед готов. Ещё готовили шаньги – пирожки с картошкой на кислом тесте. Напекут побольше и горячими на мороз. Замёрзнут и в мешок. Захочется шанежек внесут в дом и в печь. Разогреются, мягкими станут, да вкусными.

На Северном Урале никогда не было крепостного права, поэтому люди там свободолобные, характер независимый.

---

⁶ Долблёнка – небольшая лодка, выдолбленная из цельного ствола дерева (чаще всего осины, липы или кедра). Такие лодки изготавливались без досок и гвоздей: древесину выдалбливали изнутри, придавая форму желоба. Долблёнки были широко распространены в Сибири и на Урале вплоть до середины XX века и отличались прочностью, устойчивостью и простотой изготовления.

В Оренбурге семья Козловых жила в большом доме. При доме была мастерская по пошиву верхней одежды, о чём сообщала вывеска у парадного крыльца. Не знаю, сколько комнат было в доме, мама часто рассказывала, что малые дети спали на полатах. Это такие полки под потолком, там детям было тепло. У родителей была своя спальня, особенно красивая была кровать с точёными ножками и спинками, деревянная, покрытая лаком. На день она тщательно убиралась кружевными покрывалами ручной работы поверх пышной перины и лоскутного тёплого одеяла. Лоскутные ватные стёганные одеяла бабушка делала сама. Подбирались лоскутки определённой формы, разных цветов и дорогих плотных тканей. Лоскутки располагались в виде красивого рисунка в центре, а по краям – редкая кайма. Это были не одеяла, а произведения искусств. Масса подушек с красивой прошвой или вышивкой, с кружевными накидками. Эта кровать была приданым и гордостью бабушки Феодосии.

Немалую ценность представлял сундук, сделанный из сосновых широких досок, отделанный резными уголками и ножками, покрытый чёрным мебельным лаком и клетками из красной меди, которая горит, как червонное золото. Время от времени полоски меди начищали до блеска. И ещё, на зависть всем знакомым, в доме стоял такой же резной, деревянный, покрытый чёрным лаком платяной шкаф в полстены, который почему-то назывался гардероб.

В доме было много икон разных размеров и очень красивых. У старших детей были свои комнаты – отдельно у мальчиков и отдельно у девочек. По рассказам мамы, я хорошо представляю большой стол, за которым дети учили уроки, малыши играли, а бабушка что-нибудь шила.

Святая святых в доме – была мастерская. Туда ходить малышам было строго запрещено. И до чего же там было интересно! Большой закройный стол, гладильный стол со всякими приспособлениями, а утюги большие, полые внутри, куда клали древесный уголь и зажигали. Когда угольки разгорятся, утюг нагреется – тут уж гладь сколько хочешь. Разжигать утюги была обязанность бабушки, и разглаживать швы и готовые изделия – тоже. Особенно детвору привлекали швейные машинки: для шитья грубых тканей и ватных изделий, и отдельно беложвейки. Все стены были увешаны выкройками, на гвоздиках висели сантиметровые ленты. В коробках лежали цветные мелки, нитки разных цветов и номеров, пуговицы и прочая бижутерия. Возле стены стоял большой сундук для тканей и шкаф для готовых изделий или изделий, подготовленных к примерке. Отдельная комната была для посетителей и примерочная, но это уже не так интересно. Когда у отца было свободное время, он рассказывал детям много о своей профессии и её особенностях, учил детей мастерству. Поэтому дети, мальчики и девочки, тоже умели шить. Их с детства учили этому.

Но самые нежные и трепетные воспоминания детства оставила столовая комната. Там стоял большой стол и лавки вокруг стола. Стол был сделан из сосновых досок. Его не красили и не покрывали клеёнкой. После еды стол тщательно мыли горячей водой с мылом и время от времени скоблили ножом, поэтому он всегда был нежно-жёлтого цвета. После еды стол накрывали белоснежной скатертью, ставили медный поднос, на него – ведерный самовар, а на самовар – заварочный чайник. В семье было два самовара, поэтому всегда была возможность выпить чашечку горячего чая.

Пищу готовили в русской печи. Ох, уж эта русская печь! Она и накормит, и обогреет, и вылечит, и радость принесёт. Под печью хранились ухваты, кочерги, сковородники, лопаты – всё это на длинных держакках, чтобы удобно было в печи работать. И ещё под печью жил домовой – так все считали, поэтому там было хоть и темно, но всегда чисто. В стенах печи были сделаны печурки – углубления на несколько кирпичей – там зимой сушили валенки. Печка топилась дровами и закрывалась большой металлической заслонкой, но самая большая ценность – лежанка. От лежанки до потолка места не так уж много, поэтому на печке можно было только лежать или сидеть. А самое главное – на день можно спрятаться от взрослых и погрузиться в свой мир, мир сказок и фантазий. А если кто-то простудится, то лучшего лекаря, чем русская печь, не найти.

Бабушка рано вставала, зажигала печь и готовила еду на весь день. Щи получались разваристые, каша – рассыпчатая, а блины, щедро помазанные топлёным маслом, всегда горячие. А топлёное молоко с румяной корочкой! Такое вкусное, да душистое можно приготовить только в русской печи. С осени делали заготовки на зиму: квасили капусту, мариновали грибы, мочили яблоки и бруснику. А зимой, особенно во время Поста, грибы и капуста – первейшие кушанья. Любили в семье щи с грибами, пироги с капустой, с яблоками, с рыбой. Даже пельмени делали не только с мясом, но и с грибами. Ежедневно всякие каши и обязательно чёрный хлеб. Белый хлеб ели только по праздникам.

Главный принцип семьи был такой: каждый ребёнок должен обслуживать себя сам. Все дети умели шить и шили все сами для себя. Девочки, кроме этого, умели прясть, вязать, а мальчики – всё, что необходимо уметь будущему хозяину дома.

Длинными зимними вечерами дома не скучали. Не было тогда ни радио, ни телевизора, ни электрического освещения, а вот скучно вечерами не было. Соберётся после ужина вся семья в самой большой комнате и займутся кто чем: кто цветы делает, кто прядёт, кто вяжет, кто наживляет раскроенную вещь. Брат Дмитрий читал вслух какую-нибудь книгу, или вдруг тихо, проникновенно запоёт бабушка Феодосия: «То не ветер ветку клонит»

*То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит —
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит...*

или «В низенькой светёлке». Любили дети слушать, как поёт их мама, откладывали работу, сидели тихо и слушали. Иногда бабушка рассказывала детям сказки, а потом, когда мы были маленькими, эти же сказки нам рассказывала наша мама и пела те же песни.

Мама всегда говорила нам: «Вот подрастёте, придёт время замуж выходить – выбирайте мужей с умом. Не тех, кто красиво говорит, а тех, кто мастерством владеет, чтобы дело в руках было». В семье у Козловых все стремились к этому, понимали, что только труд, и не простой труд, а труд мастера, обеспечит человеку безбедное существование, принесёт радость и удовлетворение.

Старшая сестра моей мамы, Катя, была медсестрой. Нюра делала цветы для свадеб, похорон и других обрядов из бумаги, шёлка, воска и продавала их в лавке – так назывались маленькие частные магазины. Брат Георгий, в семье его звали Гора, закончил реальное училище, работал на заводе, а Дмитрий учился в военном кадетском училище. Мама моя училась в школе. В детстве она переболела скарлатиной, и эта коварная болезнь дала осложнение на уши. Вначале уши болели, а потом стали замечать, что Тоня плохо слышит. Она маленькая была и не понимала всей трагедии случившегося. В школе её освободили от изучения иностранных языков, но всё равно ей было очень трудно писать диктанты, поэтому домой она часто по диктанту приносила «гуся». Это Гора так над ней подшучивал. Только она явится из школы, а Гора: «Опять „гусей“ принесла?» Все дети в семье были здоровы, поэтому к Тоне все относились особенно внимательно, жалели её и баловали. Была она толстенькая, любила поесть, поэтому и кличку ей придумали – «Жирнов». Бывало, все ждут, как Тоня придёт со школы, швырнёт свою сумку и в столовую за стол: «Что у нас на обед?» Все, конечно, смеялись.

Бабушка любила, чтобы вся семья собиралась за столом, следила, чтобы все помолились, перекрестились и хорошо поели. Обычно всем собраться удавалось за ужином. К концу ужина было весело. Дети рассказывали, как у них прошёл день, и тут же друг над другом подшучивали. Брат Гора любил подшучивать над Тоней. Только она заявит, что уже наелась, а он – «Ну-ка, подойди, я проверю», – и обязательно пощупает животик у своей маленькой сестрёнки-толстушки. «Ну-у, – скажет, – у тебя вот ещё в левом боку совсем пусто». Тоня послушно садится на место, а там уже в тарелке полно – это братья и сёстры подложили ей самые лакомые кусочки. И ест, и ест, пока не начнёт потихоньку прихныкивать, а то и заревёт на весь голос. Мать

такое баловство за столом не прощала и быстро Горке отпускала подзатыльник. А Тоне скажет: «А ты, глупенькая, больше не слушай его».

По выходным дням готовили пироги или беляши, но особенно любили пельмени. Накануне бабушка ходила на базар, покупала телятину, баранину и свинину, обрезала мякоть. Три раза пропускала через мясорубку с лучком и перчиком, а потом садились всей семьёй и лепили. Заготавливали их и впрок. Зимой, к Рождеству, дедушка покупал целую свиную тушу, телячью и баранью. Мякоть обрезали, делали фарш, месили тесто и лепили пельмени. На сугробах расстилали холсты, раскладывали пельмени. Через несколько часов они замерзали. Тогда собирали их в мешки и подвешивали на чердаке. Когда надо, бабушка брала сколько нужно, и варила.

Дети были приучены помогать родителям, но умели и позабавиться на улице. Был однажды такой случай: кто-то сказал, что на военном кладбище на могиле генерала расцвели цветы необыкновенной красоты. Тоня рассказала своим подругам, а те размечтались: «Вот бы сходить да посмотреть! Да, поди, не пустят. Там солдаты ухаживают за могилками». Но Тоня была не по годам смекалистая. Пошла она домой тайно от матери, одела своё лучшее платье с кружевами да с бантами, на головку прицепила большой бант, на ноги – праздничные туфельки, и отправилась с подружкой замарашкой на кладбище. А там солдат подметает дорожки. «Что вам, девочки, нужно?» – спросил он. Антонина потупила глазки, тяжело вздохнула, а подружка и говорит: «Тут генерал похоронен, это барынин отец, она хочет поведать его, возле могилки посидеть». Ну, солдат и пустил. Сидели они, сидели, а как только солдат отошёл, нарвали цветов и убежали. После этого случая стала Тоня на улице уважаемым человеком.

А улица у них была непростая – по ней проходила бульжная мостовая, по бокам канавки для стока воды, а около домов – деревянные тротуары. Между мостовой и тротуаром – дощатые мостики. Город Оренбург – это старинная крепость, поэтому много в нём военных, представляющих различные виды войск: военное кадетское училище, уральские казаки; гражданское же население имело пёстрый характер – это заводские и фабричные рабочие, мастерские и торговцы. Масса малых и больших мастерских, обслуживающих население города. Семьи в большинстве были многодетные, поэтому летом на улицах города было полно ребятишек. Дети постарше нанимались на работу – где только можно и за любую плату, всё в помощь семье. А малыши в свободное от домашней работы время собирались на улице и проказничали. Вот собрались как-то Тонины друзья на улице. Скучно, делать нечего, камешки в лужу кидают. А тут идёт очень модная дама в длинной узкой юбке. И так это быстро ногами семечит. Ребятишки не видели и случайно обрызгали её грязной водой. Что тут было! Как она только их не обзывала, как шипела! Ну никак ребяшня не могла перенести такую обиду. Стали думать о мести. И придумали. Знали они, по какому мостику эта мадам переходит с мостовой на тротуар. Взяли и подпилили доски с обратной стороны, всё положили как было, спрятались за изгородью и наблюдают. Вот идёт она в своей длинной юбке, ножками быстро-быстро перебирает и на мосток. Только до середины дошла – и бух в воду! Да как заверещит! А ребята захохочут, и потом ещё долго изображали, как она выбиралась из канавы в своей мокрой узкой юбке. Ох, как же им понравилось выступать в роли мстителей!

Или вот ещё случай. Был у них на улице один приказчик, работал в большом магазине. Вредная bestия был он: перед хозяином и богатыми покупателями лебезил, а бедных за людей не считал. Вот и его ребята решили проучить. Знали, что он большой скупердяй. Как пойдут дети в магазин с поручением родителей – обязательно сдачу зажилит. А тут и случай подвернулся. На Петров день⁷ была в Оренбурге ярмарка. Везли из соседних губерний и из сёл кто что

---

⁷ *Петров день* – народное название церковного праздника **дня святых апостолов Петра и Павла**, отмечаемого 12 июля (29 июня по старому стилю). В дореволюционной России этот день считался завершением Петровского поста и одним из глав-

мог. Вот везёт один крестьянин воз арбузов. Выпросили один арбуз, вырезали дырочку около соцветия, выдолбили мякоть, съели, а в пустой арбуз наложив дерьма. Дырочку аккуратно заткнули и на краю дороги положили. И время подгадали, когда приказчик домой с работы шёл. Увидел он арбуз, посмотрел по сторонам – никого. «Ну, – думает, – везли да потеряли». Поднял, повертел и понёс домой. Да так быстренько! Наши бы теперешние уголовнички сказали: жадность фраера сгубила. А ребяташки радовались: удалось! Все хохотали до слёз, представляли этот арбуз на столе, да на тарелке, да под острым ножом, и физиономию приказчика.

Но не всё в детстве мамы было таким весёлым и беззаботным. Часто слышала она дома тихий разговор старшего брата Горы и сестры Кати с отцом. Много тревоги было в их словах: о каких-то кружках, маёвках, забастовках, об арестах. А то как-то мать пришла из деревни и руками возмущённо всплеснула: «И что же это делается на свете! Вчера соседка исповедовалась в церкви и рассказала батюшке о том, что у них дома рабочие тайно собираются. А сегодня их всех полиция выследила и арестовала! Может, батюшка тут и ни при чём, но соседка говорит, что никто ничего не знал.»

И всё-таки детство – весёлая, забавная пора. Да жаль, быстро оно кончилось. И не думали, и не гадали – а война подошла прямо к порогу, прямо в дом шагнула. Хотя и далеко от западных границ России город Оренбург. Не успели кончиться восторженные митинги дворян по поводу начала войны, как потянулись печальные дни ожидания. Уже появились первые похоронки. Уже появились первые раненые и искалеченные в военном госпитале, где работала сестрой милосердия старшая сестра мамы Екатерина. А тут и жениха Кати забрали на фронт. Была у них чистая, возвышенная любовь, и при разлуке Катя была неутешна.

Она дала страшную клятву своему милому, что бы с ним ни случилось – она будет ждать, и даже если он погибнет на фронте, никогда ни за кого не выйдет замуж до конца своих дней. Ушёл он – и как в воду канул. А Катя всё ждала, всё надеялась. С тревогой встречала каждую партию раненых: «А вдруг... не встречали случайно такого-то?» – спрашивала. Но тщетно.

И вдруг целая стопа писем – милых, ласковых, долгожданных... и похоронка: «Погиб за Веру, Царя и Отечество». И всё. Впереди пустота и никаких надежд. Ещё больше сил стала отдавать раненым Катя, видя в каждом солдате своего милого, а сама украдкой вытирала слёзы. Часто во время дежурства плакала: «Пусть бы лучше вернулся без рук и без ног, но живой.»

Правду говорят люди: время – хороший лекарь. Германская война шла уже три года, и горе было не только у Кати. Сколько парней погибло, сколько отцов, сколько детей навсегда остались сиротами, жёны – вдовами, а сколько невест не дождались своих женихов. А тут – новые события: революция, гражданская война! Сколько в госпитале разговоров, появлялись и пропагандисты, распространяли листовки, газеты, рассказывали о буржуазной сущности Временного правительства⁸, о том, что борьба только началась, что народ от этой революции ничего не получил и никогда не получит, пока не возьмёт власть в свои руки. Рабочие устраивали митинги, требовали прекращения войны: «Долой министров-капиталистов! Вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!» Эти митинги разгоняла полиция и казаки, хватили зачинщиков, избивали рабочих. Тогда они стали тайно собираться за городом.

ных летних праздников. Повсеместно устраивались ярмарки, гулянья и народные забавы, куда съезжались крестьяне из окрестных сёл, чтобы продавать урожай, скот и ремесленные изделия.

⁸ Временное правительство – это переходная власть, созданная в России после Февральской революции 1917 года, когда Николай II отрёкся от престола. Оно должно было управлять страной до созыва Учредительного собрания. В состав Временного правительства входили в основном представители либеральных и умеренно социалистических партий. Правительство провозгласило демократические свободы, но продолжило участие России в Первой мировой войне и не решило аграрный и рабочий вопросы, что вызвало разочарование и рост революционного движения, приведшего к Октябрьской революции.

Тоне уже было двенадцать лет, и Георгий брал её с собой на тайные собрания для отвода глаз. С красивой, нарядной девочкой легче было пройти, не вызывая подозрений. Так Тоня познала первые азы борьбы за права рабочих.

Огненная волна гражданской войны приближалась к городу.

Ещё во время германской войны стали принимать в военные училища детей и не благородного звания. И хотя Дмитрий был из мещан, его приняли в кадетское училище. В семье решили учить его сообща. Отец, Катя, Нюра и Георгий работали, хотя жизнь в военные годы была трудной и голодной, и всё-таки выделяли и Дмитрию на учёбу. Посватался к Нюре один мужичок-вдовец, вроде бы хороший человек, труженик. Умерла у него жена, оставив двух детей. Вот он и посматривал всё время на Нюру, долго обхаживал. Наконец родители дали согласие, и стала Нюра сразу молодой женой и мамой двух деток.

Дети любили её и слушались, а вот муженёк ревновал люто молоденькую и симпатичную свою женушку. Дальше – больше. Решил он, что Нюра не любит его и живёт с ним только из жалости. И вместо того чтобы завоевать её любовь, ничего лучшего не придумал, как начать пить водку – безотказное средство для всех пьяниц и дураков: выпьют и, жалеючи себя, проливают слёзы, проклиная свою несчастную судьбу. Жалкие, безвольные слизняки!

Домой приходил пьяным, устраивал дебоши, бил посуду. Испуганные дети прижимались к матери. Росли к нему неприязнь и отвращение. Всё чаще Нюра задавалась вопросом: «За что?» Днём она торговала в лавочке цветами и венками, вечерами надо было семью обиходить. В свободную минуту опять же делала цветы, заготовки. А тут ещё пьяный муж.

Как-то зашла к Нюре Тоня проведать сестру. А та ей рассказала о своей несчастной доле, расплакалась. Тоня спросила:

- Хочешь уйти от него?
- Не могу. Детей жалко. Да и привыкла я к нему. Человек он неплохой, если бы не пил.
- А ты борись. Он бьёт посуду – и ты бей. Может, это его остановит.
- Жалко.
- А ты попробуй. Выбери, какая похуже.

Вот приходит муж домой пьяный, жена не встречает. Раскричался, хватает тарелку со стола – и об пол. А Нюра – две тарелки и тоже об пол. Муж чашку схватил – трах, а жена две. Вытаращил муж глаза:

- Ты что, сдурела?
- А ты?

С тех пор посуду оставили в покое. Был серьёзный разговор, отношения наладились.

Тоню любили в семье за то, что она во всё вникала и всем старалась помочь. Она была под большим вниманием любимого старшего брата Георгия. Он ещё во время войны посещал тайные кружки на заводе, принимал активное участие в митингах и демонстрациях. Часто брал с собой Тоню. Молодая красивая девушка примелькалась, её знали, ей доверяли, и она оправдывала их доверие.

Позже, уже при советской власти, Тоня записалась в комсомол. В то время как брат Георгий вёл пропаганду против войны, против царского и Временного правительства, в военном кадетском училище делалась другая пропаганда. Молоденьких, ещё сопливых выпускников приводили к присяге Временному правительству и зачисляли в войска – те самые, которые позже пополнили добровольческую армию и присягнули на верность сибирскому царьку Колчаку⁹.

---

⁹ Александр Васильевич Колчак (1874—1920) – российский морской офицер, учёный и государственный деятель. После Октябрьской революции стал одним из лидеров Белого движения. В 1918 году в Омске был провозглашён «Верховным правителем России» и возглавил антибольшевистское правительство, поддерживаемое странами Антанты. Его войска вели боевые действия против Красной армии в Сибири, но в 1920 году Колчак был арестован и расстрелян в Иркутске.

У бедной бабушки сердце разрывалось – не знала она, кто из детей на правильном пути, а кто нет, за кого Богу молиться. А беда уже подстерегала семью. В то время в России свирепствовал тиф. Вся семья в разное время переболела тифом. Только бабушка устояла – видно, природа создала её крепкой, чтобы было кому обо всех заботиться. Отец семейства, чтобы поправить пошатнувшееся материальное положение семьи, целыми днями до поздней ночи просиживал за машинкой. Голодный паёк (тогда голодно было в городах, и всем давали мизерный продуктовый паёк) и трудная работа подрывали его здоровье. Дедушка заболел брюшным тифом, ослаб, но продолжал работать (много было заказов на военную офицерскую форму), а потом отложил работу, прилёг и в одночасье умер.

Бабушка в то время устроилась работать уборщицей в историческом музее. Денег на похороны не было. Пошла она к батюшке в церковь, попросила отпеть мужа дома – нельзя же похоронить православного человека без отпевания. А батюшка и слушать не стал. Тогда она, охваченная горем, встала среди прихожан и прямо в церкви громко обратилась к Богу со словами, что если поп – ставленник Бога на земле, то пусть Бог прямо сейчас, в церкви, поразит её, ибо она больше не верит ни попу, ни его проповедям и ноги её и её детей больше в церкви не будет.

Похоронили дедушку без отпевания. Бабушка сама сказала ему напутственное слово, перекрестила его, попросила прощения у него и у Бога за все грехи – мыслимые и немыслимые. А детям своим с тех пор бабушка запретила ходить в церковь. Не знала она, что дети её давно уже были атеистами и ходили в церковь только из уважения к матери.

Не успели пережить это горе, как попал в больницу старший брат мамы – Георгий. Через несколько дней, при обходе, врач посмотрел на Георгия и сказал: «Этот не жилец». А немного погодя санитары вынесли его, (надо было освобождать место для вновь поступивших больных) в мертвецкой он не подавал никаких признаков жизни. Его раздели и бросили в братскую могилу. Была такая яма, куда сбрасывали умерших от тифа. Время от времени их посыпали негашёной известью, а как яма наполнялась – засыпали землёй.

Матери сообщили, что сын её умер от тифа и похоронен в братской могиле. Как только могло выдержать её сердце такое горе?!

А ночью Георгий пришёл в себя. Видно, кризис миновал, и молодой организм победил болезнь. Он сильно замёрз, и первое, что заметил, – это то, что он совершенно голый и лежит среди холодных, голых тел. Тут он сообразил, что произошло. С трудом выбрался из могилы и по тёмным улицам города каким-то чудом пробрался домой.

Мать не спала и сразу услышала стук в дверь.

– Кто там?

– Мама, это я.

Неужели это душа его? Он же умер, а голос его...

– Мама, открой. Я замёрз. Только не пугайся – я совсем голый. Они думали, что я умер, а я живой.

Тут уж не было сомнений. Открыла, обмыла, согрела, выходила сына. Видно, не всё ещё, начертанное судьбой, сделал он на этом свете.

Меньшие дети тоже переболели тифом. А Наталья – ещё и головным, после чего на всю жизнь стала кудрявой. А Юлия настолько ослабла, что после тифа заболела туберкулёзом лёгких. И это ещё не все беды, свалившиеся на эту семью.

Советская власть установилась в Оренбурге, да и почти на всём Урале уже в ноябре 1917 года. А в декабре 1917 года казачий атаман Дутов¹⁰ поднял антисоветское восстание. Его

¹⁰ Александр Ильич Дутов (1879—1921) – казачий атаман, один из лидеров Белого движения на Урале. После Октябрьской революции возглавил антисоветское восстание Оренбургского казачества в декабре 1917 года. Его войска временно захватили Оренбург и отрезали Среднюю Азию от Советской России. После поражения Дутов отступил в Китай, где был убит в 1921 году.

поддержали меньшевики, эсеры, башкирские и казахские национальные силы. Захватив Оренбург, Дутов отрезал Среднюю Азию от Советской России. Возникла угроза падения советской власти в промышленных районах Урала и Поволжья.

Советское правительство в спешном порядке отправило из Москвы и Петрограда на борьбу с Дутовым отряды Красной гвардии. В самом Оренбурге создавались красные дружины на заводах и фабриках. Георгий вместе с другими заводскими парнями записался в Красную гвардию.

За всю гражданскую войну Оренбург три раза переходил из рук в руки: то белые захватят – приходит мать проведать белого офицера Дмитрия; то красные отобьют город – приходит красный боец Георгий; то белые приходят с обыском – ищут красногвардейца; то красные ищут белого офицера. И как им всем рассказать, что для матери они оба одинаковые – и не белые, и не красные, родные и близкие, и такие оба дорогие.

Последний раз белые захватили Оренбург в октябре 1918 года. Поднялся чехословацкий мятеж¹¹. Многочисленные, хорошо вооружённые отряды интервентов, белогвардейцев, белочехов и колчаковцев, захватив огромную территорию Сибири и Урала, перешли Волгу и Каму, чтобы осуществить наступление на Москву.

В районе Средней Волги и Урала развернулись жесточайшие, кровопролитные бои. В один из таких дней принесли матери записку. В ней Дмитрий писал, что состав остановился на станции, что он ранен, лежит в таком-то вагоне, и что он очень хочет, может быть, в последний раз увидеть мать.

Прибежала, нашла свою кровиночку. Состав был на пути в Сибирь и остановился, чтобы запастись провиантом и медикаментами. Постельных принадлежностей совсем не было. Полетела домой, принесла белоснежную простыню, подушку, одеяло. Постелила, уложила сыночка своего, ухаживала, как могла, пока состав стоял.

22 января 1919 года был освобождён от белых Оренбург. В жестоком, кровопролитном бою погиб командир Красной Армии Козлов Георгий Васильевич – самый старший, самый серьёзный и самый любимый. А через несколько дней пришёл друг Дмитрия по госпиталю и рассказал, как погиб Дмитрий.

Состав захватила Красная армия, и когда увидели, что Дмитрий лежит на белоснежной постели, с криками: «Ах ты, белогвардейская морда!» – изрубили его шашками. Вообще-то красные относились хорошо даже к раненым белогвардейцам, но тут не сдержались – слишком много погибло их товарищей в боях за Оренбург и Уральск.

Бедная бабушка... Сколько горя свалилось на её голову! Свет померк у неё в глазах.

– Сыночки, родимые, любимые... хоть бы знать, где могилки ваши... где же Бог, где справедливость? Зачем погубили молодых и здоровых? Где взять силы, чтобы пережить такое?

Сходила в церковь, отслужила панихиду по убиенным, вроде бы притихла, перестала рыдать. Видела, сколько вдов, сколько детей-сирот, сколько матерей остались без сыновей, сколько невест без женихов. А по ночам молилась, просила Бога простить сыночков – их винные и невинные грехи. И если только можно, чтобы встретились они на том свете и были вместе. Им теперь нечего делить: оба полегли за русскую землю, за мать Россию, за русский народ, за правду. Только правда, по злему року, у каждого была своя.

Как-то сразу бабушка постарела, стала маленькой, худенькой. Горе сломило её, но не убило – надо было жить. Катя и Нюра сами зарабатывали себе на жизнь, а вот Тоня, Наташа, Юля, Гриша и Коля были рядом и им нужна была мать, её забота и ласка.

---

¹¹ Чехословацкий мятеж (май—август 1918 года) – вооружённое выступление Чехословацкого корпуса, сформированного из военнопленных чехов и словаков, служивших ранее в австро-венгерской армии. Восставшие, при поддержке антисоветских сил, захватили значительную часть Сибири и Урала, установив контроль над Транссибирской магистралью. Этот мятеж стал началом широкомасштабной гражданской войны и способствовал усилению Белого движения.

Гражданская война шла на убыль. Были голодные, неурожайные 1921—1922 годы. Тоня уже окончила школу, стал вопрос о её будущем. Совершенно не было никаких средств не только на дальнейшее обучение и приобретение профессии, но даже на питание и существование. Казалось, это уже конец. Но советская власть не оставила людей в беде. Всем детям дошкольного и школьного возраста давали пусть худые, маленькие, но бесплатные пайки. Кроме того, всё население городов было прикреплено к бесплатным столовым, где можно было хотя бы один раз в день получить горячее питание. Работающие получали питание и пайки по месту работы – это уже была большая помощь.

В городе разместился полк, в котором служил Георгий. А когда командир полка узнал, что мать красного командира живёт в большой нужде, послал красноармейцев узнать, что нужно, какую помощь можно оказать этой семье.

А вот в сёлах было голодно. Н. К. Крупская организовала транспорт, который загрузили хлебом, мукой, крупой, овощами и поплыли по Волге, оказывая помощь голодающим Поволжья. И комсомольская организация Оренбурга решила поддержать этот почин. Тогда комсомольские организации существовали только на заводах.

Тоня часто ходила на завод, где работал Гора. Её знали, очень обрадовались, когда она решила вступить в комсомол. И вот вместе с заводскими парнями и девушками она поехала по сёлам. Ехали на подводах, чтобы собрать детей и разместить их в приютах, да подкормить и спасти от смерти.

По Поволжью не прошло ни одного дождя – ни весной, ни летом, и зима была сухая, морозная, да ветреная. Даже трава не росла – чёрная, потрескавшаяся земля. Слишком поздно пришла помощь. В домах лежали трупы, почерневшие, опухшие. В одном доме нашли мёртвых родителей и живых, но очень исхудавших, с воспалёнными голодными глазами детей. Видно, родители отказались от пищи, чтобы спасти детей.

После этой поездки мама моя люто возненавидела кулаков¹² и прочь отменяла все байки о том, что советская власть ограбила и невинно наказала крепких мужиков. Видела она, как «крепкие мужики» не платили налоги, а зерно прятали и ждали, когда цены подскочат до астрономических размеров, чтобы наживаться на людском горе. Были и такие, что хлеб обливали керосином – мол, если не мне, то и никому.

Дома тоже нужда, но ещё кое-как перебивались. Вечерами всей семьёй делали цветы для Нюры, да только торговля шла плохо – свадьбы редко кто справлял. Если повезёт, и какой зажиточный жених купит своей невесте цветы – то это уже удача. А бедные и женились, и умирали теперь без цветов. Выручка была маленькая, а у Нюры своя семья – тоже кормить надо. Катя уже стала забывать своё горе, вернее, просто смирилась. А тут полюбил её один красноармеец. Лежал он в госпитале на излечении и уж очень ему понравилась сестричка. Пошёл он на поправку, а тут и война окончилась. Пора и о женитьбе подумать – вот и сделал он Катюше предложение.

Долго Катя не соглашалась. Сама для себя решила, что доля её такая – быть одинокой. Да мать уговорила. На что надеяться? Прежнего не вернёшь, а жизнь продолжается. С мужиком всё легче будет, да и мало их, мужиков русских, после войны осталось. А парень, видно, хороший и любит тебя. Так и порешили: как выпишут парня из госпиталя, так и под венец.

А Катя чувствовала, что она всё ещё любит своего первого жениха. Выйти замуж за другого – это же предательство. Ведь она клятву давала.

И вот как-то наступило её ночное дежурство. В палате тихо, горит фитилёчек коптилки, полумрак. Все выздоравливающие спят. И Катя забылась в коротком сне. И вдруг появляется

---

¹² Кулак – в дореволюционной России зажиточный крестьянин, владелец значительного хозяйства, использовавший наёмный труд и торговавший хлебом или продуктами. После Октябрьской революции слово стало политическим ярлыком для обозначения «классового врага» на селе.

он и говорит: «Как ты можешь клятву нарушать?» Закричала она, проснулась, зарыдала. Прибежали дежурный врач и нянечка. Узнали, в чём дело, успокоили. Врач сказал, что сильно она переутомилась, нужен отдых. Мыслимое ли дело – восемь лет в госпитале среди стонов и крови, среди смертей. Мужик не выдержит, а тут молоденькая девушка. Нянечки, сестрички пошептались между собой и решили, что нельзя клятву нарушать – это добром не кончится. Отпустили Катю домой отоспаться.

Ничего не сказала она матери, чтобы не расстраивать. На следующее ночное дежурство опять явился он и стал душить Катю. Раненые слышали тяжёлое дыхание, хрипы, но, видя, что всё спокойно, уснули. А утром нашли Катю за столиком мёртвой, с чёрными пятнами на шее.

Врач сказал, что умерла она от сильного приступа стенокардии – сердце не выдержало, а под действием мнительности получилось кровоизлияние на шее. А люди решили по-своему: дескать, тот самый явился и задушил её как клятвopеступницу.

Плохо, что никого близкого не было рядом, кто мог бы помочь ей в трудную минуту. Хоронили Катю всем госпиталем. За всю империалистическую и гражданскую войны не было таких скорбных похорон. Многие в городе знали и любили её.

Бедная бабушка! За четыре года – четыре смерти. Какое сердце может выдержать такое? Теперь Тоня стала старшей среди детей. Ох, как трудно было им с матерью кормить и содержать семью. Всё, что можно было отнести на барахолку и продать, было продано. От бывшего достатка ничего не осталось: голые стены да дети.

А тут ещё у Тони обострилась старая болезнь. В детстве она переболела скарлатиной, и эта коварная болезнь дала осложнение на уши. Повела бабушка её к хорошему специалисту, частнику, немцу по национальности. Взялся он её лечить. Надо было провести двенадцать сеансов лечения и продувания ушей, и за каждый сеанс платить по одному рублю. А у бабушки зарплата была всего двадцать пять рублей в месяц и шесть голодных ртов.

Прошла Тоня только четыре сеанса, вроде бы стало лучше, и больше не пошла: денег не было. Не знала она, какой бедой это ей обернётся.

Ещё когда Дмитрий был в Оренбурге, живой и здоровый, офицеры устроили бал. Многие приходили с девушками. Тоня в свои четырнадцать лет выглядела на все восемнадцать, и Митя решил взять её на бал. Тоня обрадовалась, начала готовиться, а подружка загрустила – и одежды нет хорошей, и не так уж она хороша собой, как Тоня, да ещё вдобавок сутулая. Когда Митя узнал причину грусти, рассмеялся:

– Да мы с Антониной сделаем из тебя такую красавицу, отбоя от поклонников не будет!

Затянул он её в корсет потуже, из ваты и марли сшил лиф с чехлом под платье. Да так мастерски наложил вату на плечи и спину в тех местах, где была сутулость, что спина стала ровной, грудь высокой, а талия узкой. Одеда она платье красивое, нашлось в доме такое, Дмитрий подогнал его по фигуре. Хороша девка! А Тоня подвела ей волосы, подкрасила брови, ресницы, наложила румяна – хоть сейчас под венец.

Там, на балу, и познакомил Дмитрий Тоню со своим лучшим другом Фёдором. Был он весёлый, заводной, очень привлекательный. А речь его отличалась от спокойного говора уральцев – был с Украины. Стал он бывать у Козловых, да на Тоню поглядывать. Но ничего не говорил: молоденькая ещё Тоня, да и ему ещё воевать нужно. А было это давным-давно, когда все ещё были живы.

Мать всё думала по ночам не спала: как ей одной детей на ноги поставить? В школе учителя говорили, что у Тони незаурядные способности к рисованию. Вот и решила бабушка отдать дочку в художественное училище. Сходила, узнала – оказывается, советская власть распорядилась так, что за учёбу платить не надо. А ещё Тоне будут платить стипендию за то, что она учится – ведь жить-то ей как-то надо.

Пошла Тоня на собеседование, принесла свои рисунки – зачислили. Стала она студенткой первого курса Оренбургского художественного училища с педагогическим уклоном. А мать ей и говорит:

– Выучишься, станешь учительницей работать, будешь белые булки есть!

Одну определила, а ещё четверо. Наталья хоть и постарше, да слишком уж легкомысленная – кудрявая, голубоглазая, хохотушка. Юля прибаловала, пришлось её положить в больницу. Несколько лет она лечилась в туберкулёзном диспансере в Сосновом Бору, в бывшей богатой усадьбе и опять же бесплатно.

Дивная диво! И что же это делается? И учат бесплатно, и лечат бесплатно. Видно, недаром погиб Гора – посмотрел бы, порадовался. Замечательные условия, свежий воздух и молодость сделали своё дело – поправилась Юля. Хоть одна радость в доме.

А младшие – Гриша и Коля – ничего не понимали, ничем не тяготились, принимали жизнь такой, какая она есть. Целыми днями то в школе, то на улице. Прибегут, аппетит нагуляют, есть просят. Нужда смотрела со всех сторон.

А тут попался случай. Два брата поступили в зооветеринарный техникум, искали квартиру, а платить собирались продуктами – так как сами они были из села, и отец у них был зажиточным крестьянином. Вот и решили пустить их на квартиру. Дом большой, места всем хватит, продукты будут. А уж готовить – что на пятерых, что на семерых – больно уж эти парни бабушке сыночков её напоминали.

Так появились в доме Козловых два брата-студента Юндины – Василий и Алексей. Василий специализировался по зоотехнике, а Алексей – по ветеринарии, хотя общий курс обучения проходили по обеим специальностям.

Бабушка всё хлопотала по хозяйству – то варила, то стирала, то провожала детей, теперь уже семерых, на учёбу, а сама бежала на работу.

Как-то зашёл к ним молодой военный командир. И не узнать было, кто он, а как засмеялся, да рассыпал свою украинскую мову, все сразу узнали друга Дмитрия – Фёдора, того самого, что на Тоню поглядывал. Рассказал он о своей судьбе, как перешёл на сторону красных, как воевал, а теперь решил податься домой, на Украину ридну. Там у него *є своя садиба, та садочок вишневенький, та хата біленька, та мати старенька – тільки жінки не вистачає.*

Вот и решил он попытать своего счастья: не согласится ли Феодосия Афанасьевна отдать ему свою дочь Тоню, она ведь уже совершеннолетняя, а Тоня стать его женой. Не думала Тоня ещё об этом, растерялась, не знала, что сказать. Вроде бы и хорош парень, и легко с ним, и весело, и друг дорогого брата, а только жила столько лет и не вспоминала о нём, а тут вот решай.

Мать сказала, что они подумают и скажут через несколько дней, а сама ну уговаривать Тоню. Тоня не боялась остаться в одиночестве – у них в училище были почти одни парни, и многие уделяли ей внимание. Да и в комсомоле было много хороших ребят. Но под давлением матери согласилась. Решили так: поедет он на Украину, посмотрит, что там и как, приведёт всё в порядок, а потом уж приедет за невестой.

А пока Тоня училась, рисовала не только то, что по программе, а и по заданию комсомола – плакаты и карикатуры. В училище ей хорошо удавались пейзажи, орнаменты, натюрморты. А вот портреты – вроде бы всё в отдельности сходилось с натурой, а в целом чего-то не хватало. Она очень огорчалась, и тогда на помощь приходили старшекурсники: один-два штриха – и портрет оживал. Главное было схватить и передать характер натуры.

Шло время. От жениха не было вестей, да Тоня о нём и не вспоминала.

Мои родители

Трое студентов в доме. Утром на занятия идут, вечером гулять бегают, днём выполняют задания. У Василия всё легко да быстро получалось. Алексей был более медлителен, но очень старателен – он дольше сидел над уроками.

Ну, а Тоня всё свободное время рисовала или изучала теорию изобразительного искусства, изобразительные средства и другие предметы. Василий часто просиживал около неё, наблюдая за её трудами и развлекая её. Был он весёлый, разговорчивый, много шутил, рассказывал анекдоты. Да и сам собой хорош – высокий, стройный. Ну, конечно, не косая сажень в плечах, зато симпатичный.

Иногда задерживался на репетициях хора. Часто долгими зимними вечерами мать просила: «Спели бы что ли?» – О, это было любимое занятие. Тоня вместе с матерью и сёстрами Наташей и Юлей пели народные песни, протяжные, задушевные, а потом и революционные «Вы жертвою пали» – и тут мать всегда плакала, вспоминая своих погибших детей. Тогда Василий с Алексеем свежими, сочными голосами заводили «Рече та стогне Дніпр широкий». Это была любимая песня Василия. Хватало у молодёжи времени и по дому помочь. Особенно старался Василий: и воды наносит, и дров нарубаёт, и печь поможет истопить – всё делает внимательно и аккуратно. Он стал в доме старшим. Как-то незаметно даже бабушка стала с ним советоваться, обсуждать семейные дела.

Иногда Тоня ловила взгляды Василия – и тогда оба смущались. Как-то раз спрашивает мать:

– Тебе ничего Василий не говорил?

– Нет, а что?

– Да любит он тебя.

– Откуда ты знаешь? Он сам сказал?

– Нет, но я вижу.

С тех пор стала украдкой Тоня поглядывать на братьев, особенно на Василия. Вроде бы парни как парни, да и были они ей как братья. А мать опять:

– За такого можно и замуж пойти. Будешь жить как у Христа за пазухой.

Засмуцалась Тоня, ничего не сказала. А сама уже знала, что тоже равнодушна к Василию.

А жизнь шла дальше. Как тяжкий сон вспоминалась война, политика военного коммунизма. Когда деньги обесценились, ходили и «катеринки», и деньги Временного правительства, и каждый атаман печатал свои. Затем и советское правительство напечатало свои, цены на рынке выражались шестизначными цифрами. Совсем как у нас в 1997 году.

Но тогда была другая политическая обстановка. На Черноморье высадились французы и захватили южные порты. На севере Европейской части англичане заняли Мурманск, Архангельск и Северный Урал. В Средней Азии – американцы, в Закавказье – турки, на западе – немцы, а в Ставрополье – белополяки и так далее. Всего четырнадцать государств двинулось против молодой Советской Республики. И каждое хотело отхватить себе кусок побольше и пожирнее.

А на юге России ещё шли бои с Деникиным¹³ и Белым казачеством, на Дальнем Востоке – с японцами и Колчаком, на севере – с Юденичем¹⁴. Ленин обратился ко всем пролетариям России: «Социалистическое отечество в опасности!» И народ поднялся – и победил.

---

¹³ Антон Иванович Деникин (1872—1947) – русский генерал, один из ведущих командующих Белого движения в годы Гражданской войны. В 1918—1920 годах возглавлял Вооружённые силы Юга России, в которые входили Донская, Кубанская и Добровольческая армии. Его целью было восстановление «единой и неделимой России» и борьба против большевиков.

Но жестокая блокада не давала дышать стране рабочих и крестьян. Надо было самим выбираться из разрухи, своими силами. Промышленность вся была ориентирована на войну: делали оружие, боеприпасы, обмундирование. У крестьян забирали большую часть урожая под продразвёрстку, чтобы кормить армию и город. Взамен крестьянам давали сельхозинвентарь.

Но долго так продолжаться не могло. Крестьяне были недовольны, а в некоторых местах начались крестьянские волнения. Тогда была введена Новая Экономическая Политика (НЭП). Разрешена была частная торговля и мелкое частное производство, но под контролем государства.

Тут уж густым цветом расцвели ларьки, магазинчики, кафе, забегаловки, мастерские и всякие перекупки. Ох, как же рабочие ненавидели этих нэпманов! А те жирели на людской беде. Зато за счёт налогов бюджет государства уже к 1920 году увеличился вдвое.

В селе тоже шло расслоение. В результате земельной реформы появилось гораздо больше, чем при царской России, середняков. Но были и бедняцкие хозяйства, за счёт которых богатели кулаки.

В общем, жизнь уже к началу 1924 года налаживалась. Правда, в городах было ещё до полутора миллионов безработных. Если в селе люди были хоть как-то обеспечены работой – на месте бывших помещичьих усадеб создавались совхозы, выделялись земли для коммун, и быстро поднимались эти коммуны, артели, – то в городе было труднее.

Всё надо было перестраивать на мирный лад: варить металл, делать станки, машины всякие. В царской России станки покупали за границей, а теперь все отказались от России. Кое-как купили сорок тракторов. Ленин размышлял о ста тысячах тракторов для наших полей и ещё об электрификации всей страны. Да только мечту эту осуществить суждено было не ему.

После ранения в 1918 году Владимир Ильич Ленин так и не выздоровел полностью. Его подлечили, он много работал, ездил по стране (без охраны), встречался с рабочими и крестьянами, знал не понаслышке их беды. И вот удар.

21 января 1924 года в 6 часов 30 минут скончался товарищ Ленин. Не было тогда ни радио, ни телевидения, но вся страна – с севера на юг и с запада на восток – словно единым сердцем узнала о смерти вождя.

Дети бегали от двора к двору, мчались гонцы со скорбной вестью. «Ой, боже ж мой!» – голосили бабы. Мужики сцепили скулы, но губы дрожали, и слёзы текли непроизвольно.

На станциях творилось что-то непредсказуемое. Все поезда были переполнены желающими проститься с любимым вождём. Люди висели на подножках, сидели на крышах вагонов, шли пешком, ехали на подводах, верхом – казалось, вся Россия сдвинулась с места. В Москве повсюду на улицах разжигали костры, у которых грелись обмороженные люди.

В 1919 году армия Деникина заняла значительную часть юга России и подошла к Туле, угрожая Москве, однако была разбита войсками Красной армии под командованием Михаила Фрунзе. После поражения Деникин эмигрировал, жил в Великобритании, Франции и США, где и умер. Образ Деникина в народной памяти остался противоречивым: для одних – патриот, стремившийся сохранить государство, для других – противник революции и защитник старого режима.

¹⁴ Николай Николаевич Юденич (1862—1933) – русский генерал, один из наиболее известных военачальников Белого движения. В годы Первой мировой войны командовал Кавказским фронтом, одержал ряд крупных побед над Османской империей, в том числе взял Эрзурум – неприступную турецкую крепость. После Октябрьской революции Юденич не признал Советскую власть и в 1919 году возглавил Северо-Западную армию, которая при поддержке Великобритании и Эстонии начала наступление на Петроград. Армия подошла к окраинам города, но из-за нехватки снабжения и поддержки потерпела поражение от Красной армии под командованием Сергея Каменева и Михаила Тухачевского. После поражения Юденич был интернирован в Эстонии, где впоследствии жил в изгнании. Его фигура, как и других белых генералов, символизирует трагедию раскола России в годы Гражданской войны – борьбу между различными идеалами, где обе стороны считали себя защитниками родины.

21 января 1999 года

Сегодня исполнилось 75 лет со дня смерти Владимира Ильича Ленина – величайшего человека планеты. Теперь уже многое известно о его жизни и смерти. Вот получаешь газету с его портретом – и слёзы текут сами собой при взгляде на него. Кого мы потеряли и кого опоганить хотели эти подонки? Да ведь они и одной его клетки не стоят, не то что мизинца!

Умер Ленин очень рано. Ему было всего пятьдесят три года. Страна только вставала на выработанный Лениным путь социалистического развития. И все его соратники быстро сгорали. А ведь были такими стойкими в борьбе, что «гвозди бы делать из этих людей».¹⁵

Зимой 1924 года Владимир Маяковский писал:
*Залили горем,
Свезли в мавзолей
Частицу Ленина – тело.
Но тленью не взять
Ни земле, ни зале
Первейшее в Ленине – дело.*

М. Горький написал «Очерк о вожде» – лучший во всей лениниане.

Владимир Ленин умер. Даже некоторые из стана его врагов честно признавали: в лице Ленина мир потерял человека, который среди всех великих людей своего времени наиболее ярко воплощал гениальность.

Немецкая буржуазная газета *Prager Tageblatt*¹⁶ напечатала о Ленине статью, полную почтительного удивления перед его колоссальной фигурой, заканчивая её словами:

«Велик, недоступен и страшен кажется Ленин даже в смерти».

Умер Ленин, и вся Россия стояла у гроба Ильича.

А когда встал вопрос о месте захоронения, народ сам решил – хоронить на Красной площади. Сначала соорудили временный мавзолей за одни сутки! Добровольцы, объятые скорбью, копали место для пристанища всеми любимого вождя и действительно друга и учителя всех бедных людей России. Но чтобы люди могли проститься с вождём, гроб с телом Ленина привезли из Горок и на руках принесли и поставили в Колонный зал на пять ночей и дней (чтобы проходил народ, пока завершали отделку мавзолея).

И тут появились стихи, я не знаю, кто автор¹⁷, но помню их с детства:

*И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней.*

---

¹⁵ Фраза «Гвозди бы делать из этих людей – крепче б не было в мире гвоздей» принадлежит поэту Николаю Тихонову (из стихотворения «Баллада о гвоздях», 1922). В русском языке выражение стало крылатым и означает людей исключительной стойкости и мужества.

¹⁶ *Prager Tageblatt* – либеральная немецкоязычная газета, выходившая в Праге (Австро-Венгрия, затем Чехословакия) с 1876 по 1939 год. Считалась одним из самых авторитетных изданий Центральной Европы, публиковала материалы по политике, культуре и международным вопросам. После смерти Ленина в 1924 году газета опубликовала некролог, выражавший уважение к его личности и масштабу исторической роли.

¹⁷ Стихотворение «Пять ночей и дней (На смерть Ленина)» написано Верой Инбер в 1924 году, посвящено кончине Владимира Ильича Ленина и отображает массовое горе и траур по всей стране.

*И потекли людские толпы,
Неся знамёна впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый,
И красный орден на груди.*

*Текли, а стужа над Москвою,
Такая лютая была,
Как будто он унёс с собою
Частицу нашего тепла.*

Уж тут всё охвачено так точно, что ни добавить, ни убавить.
Поразительно, как быстро население России успело узнать
и полюбить Ленина.

И почему мы не можем забыть Ленина?

Потому что в истории нет другой личности, которая сделала бы
столько, сколько сделал Владимир Ильич – как в теоретическом,
так и в практическом плане – для освобождения человека от труда,
от гнёта и эксплуатации.

И ещё, дорогие мои, хочется мне здесь, сейчас написать вам
отрывок из поэмы Маяковского «Ленин»:

*Улица,
    будто рана сквозная —
так болит
    и стонет так.*

*Здесь
    каждый камень
    Ленина знает
по топоту
    первых
    октябрьских атак.*

*Здесь
    всё,
    что каждое знамя
    вышило,
задумано им
    и велено им.*

*Здесь
    каждая башня
    Ленина слышала,
за ним
    пошла бы
    в огонь и в дым.*

*Здесь
    Ленина
    знает
    каждый рабочий,
сердца ему
    ветками ёлок стели.
Он в битву вёл,
    победу пророчил,*

*и вот
пролетарий —
всего властелин.
Здесь
каждый крестьянин
Ленина имя
в сердце
вписал
любовней, чем в святцы.
Он зЕмли
велел
назвать своими,
что дедам
в гробах,
засеченным, снятся...¹⁸
На смерть Ленина народ отозвался своеобразно:
400 000 заявлений стать членами партии поступило от рабочих,
крестьян, военных. И на это Маяковский отозвался так:
Общая мысль
воедино созвеньена
рабочих,
крестьян
и солдат-рубак:
– Трудно
будет
республике без Ленина.
Надо заменить его —
кем?
И как?
Довольно
валяться
на перине, клоповой!
Товарищ секретарь!
НА тебе —
вот —
просим приписать
к ячейке еркаповой
сразу,
коллективно,
весь завод... —
Смотрят
буржуи,
глазки раскоряча,
дрожат
от топота крепких ног.*

---

¹⁸ Отрывок из поэмы «Владимир Ильич Ленин» (1924 г.), одно из центральных произведений советской поэзии 1920-х годов, посвящённое смерти вождя и его роли в судьбе народа. Первая публикация – журнал «Красная новь», 1924, №4. Маяковский писал поэму в январе—феврале 1924 года, буквально в дни народного траура по Ленину.

*Четыреста тысяч
от станка
горячих —
Ленину
первый
партийный венок.*

***

*Напрасно
кулак Европы задран.
Кроем их грохотом.
Назад!
Не смей!
Стала
величайшим
коммунистом-организатором
даже
сама
Ильичёва смерть.*

О Европа!

После смерти Ленина многое изменилось.

В мае 1924 года состоялся XIII съезд Коммунистической партии СССР.

На нём было зачитано знаменитое письмо Ленина в ЦК —

то самое, где он предостерегал партию:

«Товарищ Сталин, сделавшись генеральным секретарём, сосредоточил в своих руках необъятную власть.

И я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью...»

Он предлагал «обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на его место другого человека, который во всех других отношениях отличается от товарища Сталина только одним перевесом – именно более терпим, более лоялен, более вежлив, более внимателен к товарищам, меньше капризности и так далее». Сталина всё же оставили на посту генерального секретаря ЦК ВКП (б).

На съезде большое внимание уделялось восстановлению народного хозяйства. Проведена денежная реформа, создавшая устойчивую валюту. 1924 год – это год дипломатических признаний Советского Союза. Двенадцать государств признали СССР. Только Америка уклонялась, требуя аннулировать декрет о национализации предприятий в отношении иностранцев, возвращение американским капиталистам их собственности или полной уплаты за неё, отмены монополии внешней торговли, признание царских долгов.

Уже в 1925 году промышленность подошла к довоенному, 1913 году. Рабочие приняли решение повысить нормы выработки на 15—20 процентов, ликвидировать простои и прогулы. В Ленинграде и Харькове выпущены первые советские тракторы, в Москве – первые советские грузовые машины, в Ярославле, в Ленинграде освоили производство двигателей внутреннего сгорания и других сложных машин. На Тульском заводе изготовлена первая советская текстильная машина – прежде их возили из Англии.

Строились электростанции – Шатурская, Кизеловская, Нижегородская, Волховская, Штеровская. Восстанавливалась и развивалась металлургическая промышленность на Украине и Урале, текстильная промышленность. Председатель Высшего совета народного хозяйства СССР Ф. Э. Дзержинский указывал, что потребности СССР не может удовлетворить довоен-

ный уровень производства. Поэтому на III съезде Советов было решено строить новые фабрики и заводы, закладывать новые шахты. Было решено приступить к строительству четырнадцати заводов общего и сельскохозяйственного машиностроения на Урале, в Ленинграде, Москве, Ростове-на-Дону, Армавире и других городах.

Проведена военная реформа – численность Красной армии сокращена до 562 тысяч человек. Было фактически покончено с безработицей. Такой подъём! Люди труда были счастливы, как никогда. Каждое новое сообщение правительства встречали радостно. Главный лозунг страны был: «Ленин умер, но дело его живёт».

И в семье Козловых 1925 год обещал быть радостным. Последний год учёбы, надеялись получить дипломы. Да только не всегда надежды становятся явью. В то время учебные заведения сосредотачивались не только в России, но и на окраинах союзных республик. Правительство СССР заботилось о новых кадрах. Может быть, по этой, а может быть, по другой причине художественное училище Оренбурга перевели в Алма-Ату. И надо же – последний семестр, а потом защита дипломов. Ну хотя бы летом об этом узнали, а то зимой.

Бабушка, мать Тони, и слушать не хотела об отъезде дочери в чужие края. Время неспокойное. Нэпманы мечтали о возвращении старых порядков, особенно теперь, после смерти Ленина. В стране было много хорошего, нового, светлого, но были и бандиты, и воры, и мошенники. И хотя Казахская ССР входила в состав Союза, всё-таки боязно было. Как ни просила Тоня, как ни плакала, но против решения матери пойти не посмела. Только отпросилась провизит однокурсников.

На вокзале – людей полно. Ребята с оклунками, баулами, рулонами холстов, с подрамниками, картонками, полными красок, угольков, мелков, карандашей. Холодно, морозно, снежные поля и неизвестность. Но какие весёлые взгляды у ребят! Ведь они все вместе. У них вера в свои силы, надежда на лучшее будущее и уверенность в том, что они будут нужны, полезны своей Родине, своему народу.

А Тоня?... как же она завидовала им. Поезд ушёл, всё смолкло. Одна... И никогда уже не было студенческих сходов, споров до хрипоты, весёлых праздников и вечеринок, простого общения и взаимопонимания. Домой вернулась грустная, заплаканная, промёрзшая. Как её ни успокаивали, ничего не помогало. Она утром не смогла подняться – высокая температура, полное безразличие, сознание своей ненужности. Пришлось вызывать врача. Диагноз такой: воспаление лёгких и нервный стресс.

Никакие лекарства не помогали. Тоня тяжело задумывалась, вздыхала, временами теряла сознание, бредила. Мать не знала, что предпринять, как помочь дочке. Василий не отходил от постели любимой девушки. К дому поселилась тревога. И надо же – в это время приехал дед Сергей, отец Василия. После нужды военных лет он быстро оправился, разбогател, стал важным, дородным. Ввалился в комнаты вместе с клубами морозного воздуха, в добротной шубе, в пимах, в каракулевой шапке. Привёз обещанные ежегодно продукты, да решил проведать сыновей.

Он был частым гостем на ярмарках и базарах – торговать было чем. Денежки у него имелись, земельки прибавилось. Слава Богу, вдовы безлошадные отдавали свои пайки почти что даром, лишь бы с голоду не умереть. Так что ждал он с нетерпением возвращения сынков с дипломами, да и невесту старшему уже подыскал. Богатую, поповну.

Перед этим Тоня затихла и успокоилась. Дыхание было настолько тихим, что мать смертельно испугалась. Василий присел возле кровати, взял руку Тони и стал прощупывать пульс. И столько любви и тревоги было у него во взгляде, что отец всё сразу понял. Понял, что Василий влюблён в Тоню, и разозлился. Глаза его из серых превратились в стальные. Дед имел крутой характер и не терпел непослушания. Вызвал он Василия в другую комнату и спросил резко и грубо, почему он сидит возле дочери полумойки. Обычно добрый и уступчивый, Василий решил не уступать на этот раз. Он не разделял взглядов отца, не стремился к богатству,

впитывал как губка всё новое, мечтал о новой жизни в новом обществе, где все будут равны и счастливы, где не будет ни богатых, ни бедных. Поэтому он смело посмотрел в глаза разгневанного отца и сказал: «Я люблю её».

– Может, ты жениться собираешься?

– Женюсь, если она согласится!

Это уж слишком! Отец от такой наглости не мог слова вымолвить, только открывал рот в гневе, а потом загремел на весь дом: «Сейчас же уходите отсюда! Немедленно собирайте вещи! Я не допущу, чтобы мой сын женился на какой-то нищенке, дочери поломойки!» Тут уж Василий показал свой характер, а Алексей, как всегда, поддержал его. Да и чего ради было уходить – учёба подходила к концу, хозяйка чудесная женщина, а главное – Антонина.

Отец тоже был непреклонен: «Или вы уходите с этой квартиры, или я лишаю вас помощи», – сказал он, как отрубил, и ушёл. Бабушка моя, Тонина мать, бросилась успокаивать парней: «Ну всё уладится, а пока живите, что-нибудь придумаем».

Тоня всё слышала и очень болезненно восприняла слова отца Василия. Ох, не знала она, сколько нервов ей попортит этот строптивый мужик. Дело шло уже к весне. Яркое солнце и молодой организм сделали своё дело – Тоня заметно пошла на поправку. Но врач строго-настрого предупредил оберегать девушку от нервных стрессов.

Когда все были дома, она отвлекалась от своих дум. По утрам все убегали на занятия, мать на работу. Тоня ещё была слаба и оставалась дома. И тут начинали сверлить её слова отца: «Дочь поломойки! Голодранцы, революции сделали. Чего добились?! Всем захотелось быть богатыми! На чужое добро позарились! Не бывает этому! Реки вспять не текут! Всё опять встанет на круги своя!».

Неужели это правда? Зачем тогда погибли братья? Зачем столько крови? В памяти всё пронеслось: и революция, и гражданская война, и смерть Ленина, а перед этим известия о его ранении, и митинги протеста, и возмущение, и болезнь, когда день начинался с ожидания сообщения о здоровье вождя, и траурные митинги после известия о смерти, и полные вагоны, отправляемые в Москву с рабочими, крестьянами, солдатами, желающими проститься с любимым человеком. И тут же клятва – продолжить дело Ленина и запись в партию.

Нет, не может того быть, чтобы дело народа погибло! О том, что происходит в стране, дома, по тайному уговору, никто не говорил. Все были добрыми и приветливыми, предупредительными – берегли Тоню. А так хотелось узнать правду. Что же делать, что предпринять? И тут, как озарение – комсомол! Вот кто поможет.

Надо срочно идти на завод, где работал Георгий. Может, есть ещё знакомые парни и девушки – они всё расскажут, посоветуют и помогут. И пошла. На заводе помнили первых комсомольцев – и живых, и мёртвых. Оказывается, у комсомольцев на заводе есть своя ленинская комната. Встретили её хорошо, вспомнили былые дни красного командира Гору Козлова.

Тоня всё рассказала о своих бедах, болезни, сомнениях. Разговор был долгим и серьёзным. Очень жалели, что она не продолжает учёбу. Сами худючие, измученные работой и голодом, а такие весёлые и счастливые, наперебой рассказывали о своих делах, о международном положении, о том, что революция не кончилась, а перешла в другую форму. Если раньше шли бои, и было видно, где друг, а где враг, то теперь враги переукрасились. На людях они активны, даже выступают на собраниях и митингах, а на самом деле вредили где и как только можно. Поэтому надо быть бдительными и ещё крепче сплотить ряды борцов за светлое будущее. Обещали Тоне подумать о её будущем, а пока она ещё слаба. Предложили принять участие в выпуске комсомольских стенных газет. Ох, какие были эти газеты – острые да колючие, с комсомольским задором, доставалось всем. И всё-то они замечали: кто ленится, кто делает брак, кто прогуливает, как работает начальство, как организован досуг, учёба, какова оплата, как налажен учёт и многое другое. Организовали курсы по подготовке слесарей, фрезеровщиков, токарей, формовщиков и т. д.

Выдвинули лозунг: «Ни одного неграмотного на заводе!» – и заставили учиться даже сторожей. Проводили политбеседы, откликались на любые события, не только в стране, но и за рубежом. Как было интересно с ними! Тоня ожила, повеселела, глаза засверкали. Каждый день дома было много разговоров о новой жизни на заводе. Был бы жив Гора – как бы порадовался!

А дома тоже все встали на ударную вахту. Ребята после занятий в техникуме бежали на станцию, подрабатывали на жизнь. Деньги и стипендию отдавали бабушке. Теперь это была одна дружная семья. Занимались по вечерам. И всё-таки Василий выкраивал время, чтобы уделить внимание Тоне.

Только тревожно сосало у него под ложечкой, когда Тоня с увлечением рассказывала о заводских ребятах. Он не ревновал, нет, ревность считалась пережитком капитализма. А всё-таки душа болела. Что же делать? Надо завоевать её любовь, стать лучше других. Учился он хорошо, дома помогал, был весел, внимателен и общителен. Что же ещё? И ничего лучшего не придумал, как объясниться Антонине в любви. Вроде бы и догадывалась она о чувствах Василия, разволновалась, но в конечном счёте призналась, что и она его любит.

А время приближалось к лету. Подходила у братьев преддипломная практика – должны они были на всё лето уехать в животноводческие районы. А перед этим Василий сделал Тоне предложение. Незамедлительно получил согласие, о чём и сообщили матери. Посовещались немного, подумали, решили, что поженятся, как только Василий получит диплом, чтобы на работу ехать вместе. Уехали ребята на практику. Дома стало как-то тихо и грустно. Мать решила усадить Тоню за работу – готовить приданое. Надо было шить, вязать кружева, вышивать.

Вскоре приходит из Москвы пакет на имя Козловой Антонины, в котором сообщается, что она переведена в Московское художественное училище, что документы её получены, она зачислена и с первого сентября должна явиться на занятия и на защиту диплома. Для этого привезти дипломную работу (картину) этюды, наброски, рисунки и прочее. Тут уж не до приданого. Ладно уж этюды, наброски, рисунки, но картину? Её в один день не нарисуешь, скорее всего, и лета не хватит. Очень хотелось нарисовать картину такую, чтобы отобразить своё время. Оно было такое разное и такое бурное. Такие серьёзные и целеустремлённые рабочие, и такие угодливые и в то же время злые торговцы и нэпманы. Радость восстановления хозяйства и вредительство, отряды красногалстучных пионеров и злостные сынки нэпманов – скауты. Созидательный труд и безработица. Коллективный труд коммунаров и единоличный кулаков. Митинги в поддержку решений советского правительства и крестьянские бунты. Песни и слёзы.

Картина выделялась противоречием тонов – светлые, искристые тона и тёмные тени. Она начала делать наброски. Работала много и увлечённо. Рисование – это не только рисунок, это и характер, и людские судьбы, и песни. И всё это надо изобразить на полотне.

А какие песни тогда пели – революционные, героические. Страна знала своих героев: Чапаева, Щорса, Котовского, Ворошилова, Фрунзе, Будённого, Орджоникидзе¹⁹ и других.

---

¹⁹ **Василий Иванович Чапаев (1887—1919)** – герой Гражданской войны, командир дивизии Красной армии, прославившийся храбростью и народным происхождением. Погиб при переправе через реку Урал. Его образ стал символом героизма и народного командира; впоследствии легендаризирован в советской литературе и кино. **Николай Александрович Щорс (1895—1919)** – командир украинской Красной армии, участник боёв против германских и белогвардейских войск. Погиб при невыясненных обстоятельствах, в советское время был героизирован как «украинский Чапаев». **Григорий Иванович Котовский (1881—1925)** – один из командиров Красной армии, бывший участник революционного подполья. Отличался личной храбростью и организационным талантом, участвовал в боях против белополяков и румынских интервентов. Был убит при загадочных обстоятельствах. **Климент Ефремович Ворошилов (1881—1969)** – советский военачальник, маршал, соратник Ленина и Сталина, участник Гражданской войны, командовал войсками на Южном фронте. После войны занимал высокие государственные посты, был одним из символов советского военного руководства. **Михаил Васильевич Фрунзе (1885—1925)** – выдающийся полководец, теоретик и реформатор Красной армии, командовал Восточным фронтом, сыграл решающую роль в разгроме Колчака и Врангеля. После войны занимал должность председателя Реввоенсовета. Скончался

А какие меткие и задиристые пели частушки! И хотя введение НЭПа оживило экономику страны, торговлю. Появилось много торговых ларьков и игорных домов, притонов, но основная масса населения жила в большой нужде. Хотя советское правительство заботилось о всех, как могло, особенно о детях.

Модно тогда было светлое платье прямого покроя или юбка – косой клёш. Обязательно чёрный жакет, а на ногах прорезинки – белые аккуратные туфли-тапочки с перепонкой и пуговичкой, с синим ободком около подошвы. Сохранился в архиве Комиссариата народного просвещения талон на имя Крупской на получение таких прорезинок. Жена главы правительства имела равные права со всеми членами общества.

А парни ходили в ещё дореволюционных батьковых сапогах «в гармошку», в белых рубашках навыпуск, в чёрных костюмах и, конечно же, с роскошным чубом из-под фуражки. А у некоторых предмет роскоши и мечтаний – гармошка.

И ещё были беспризорные. Это дети войны. Большинство из них не имело ни родителей, ни жилья. И хотя было постановление правительства о борьбе с беспризорностью, и возглавил её сам товарищ Дзержинский, и много было сделано в этом направлении, всё-таки ещё много было беспризорных детей в городе. Это была трудная категория детей – воры, проститутки и даже убийцы.

Советское правительство делало всё, чтобы не только их накормить, одеть и обуть, а ещё и дать им профессию, сделать из них хороших и достойных граждан страны Советов. И довольно успешно справились с этим делом. Многие из них стали учёными, инженерами, конструкторами, учителями, хорошими бойцами и командирами. А во время Отечественной войны многие из них были награждены орденами и медалями и стали Героями Советского Союза.

И вот из всего этого нужно было выбрать что-то самое характерное, чтобы отобразить в картине. Она рисовала и мучилась. Всё не то. Нужен был наставник, а ей даже посоветоваться не с кем. Смотрела мать на муки своей дочери, смотрела и решила прекратить эту затею. Очень спокойно и решительно, как давно решённое, она заявила: «Ни в какую Москву ты не поедешь и не мечтай! Выйдешь замуж, муж будет о тебе заботиться.»

Тоня бунтовала, но ничего из этого не вышло. Картина не получалась. Вернулся Василий и поддержал решение матери. Так и осталась она дома, хотя ещё два раза ей присылали вызовы, и сердце разрывалось от горя. Так не хотелось ей хоронить свою мечту. Позже, вспоминая это время, мама моя говорила, что никогда не простит матери своей, что дважды не дала ей закончить образование и обрекла её всю жизнь быть домашней хозяйкой, быть зависимой от мужа и жить в четырёх стенах. Это с её-то неугодным, вспыльчивым и свободолюбивым характером.

Ребята вернулись с практики – загорелые, повзрослевшие, много рассказывали интересного о селе. В сёлах проходило резкое расслоение населения. Многие из селян стали жить ещё беднее, чем до революции, попав в кабалу к кулакам-мироодам. Если до революции был барин, помещик, получивший землю по наследству, и чаще всего не живущий в селе, не работавший на земле, а только получавший прибыль, то теперь свой же мужик, захватив всеми правдами и неправдами чужие наделы земли, заставлял батраков, своих же селян, гнуть на них спины.

после операции, став жертвой внутриполитической борьбы. **Семён Михайлович Будённый (1883—1973)** – кавалерист, командующий Первой Конной армией, один из наиболее известных полевых командиров Гражданской войны. Герой Гражданской и Великой Отечественной войн, маршал Советского Союза. **Григорий Константинович Орджоникидзе (1886—1937)** – партийный и военный деятель, соратник Ленина, один из организаторов Красной армии на Кавказе, сыграл ключевую роль в установлении советской власти в Закавказье. Позже нарком тяжёлой промышленности, покончил с собой на фоне конфликта со Сталиным.

Драли с них три шкуры, почти ничего не платили. Издевались, как хотели, и не было на них управы. Не было ещё таких законов, чтобы защитить бедных да безлошадных, сдавших добровольно свои наделы и попавших в кабалу за кусок хлеба.

По указанию Ленина ещё в 1923 году были организованы коммуны. Это когда несколько бедняцких семей получали кредит от государства, объединяли свои земли, строили жильё, приобретали скот, сообща обрабатывали землю, вместе питались, вместе работали, вместе отдыхали, выплачивали долг государству, а прибыль делили согласно числу работников и вложенному труду. Это был образец Гармонии. Люди в коммунах жили хорошо, за несколько лет поднялись на ноги. Окружающие смотрели с завистью на их зажиточную жизнь. Это были первые ростки общего коллективного труда.

Не было опыта в стране Советов по строению новой жизни, поэтому искали и применяли разные способы хозяйствования. Были организованы товарищества по совместной обработке земли – это прообразы колхозов. Они даже трактора приобретали, много строили. Но всё это очень не нравилось кулакам. Они, как могли, вредили: то убьют работников Совета сельской бедноты, то сожгут скирды сена, то семена потравят, то скот начнёт болеть неизвестно по какой причине, то новенький трактор, купленный за общие, собранные беднотой деньги, сгорит, то по ночам вдруг загораются избы самых активных селян, борцов за новую жизнь.

Были случаи бунтов крестьян. Вот в такое время Василий и Алексей сдали государственные экзамены и, как было уговорено, в доме Козловых стали готовиться к свадьбе.

Алексей, получив диплом, сразу как-то скис, загрузил, собрался уезжать. И как его ни уговаривали остаться, он отказался, сказав, что хочет повидать мать, и сестрёнок, и младшего брата Александра, и недавно родившуюся сестрёнку Веру. Так и уехал, простившись навсегда, как оказалось.

А Василий и Тоня решили не венчаться в церкви, а зарегистрировать свой брак по советскому закону. Пошли они в городской ЗАГС, а бабушка осталась хлопотать с обедом. Никакой свадьбы не было, просто праздничный семейный обед.

И вдруг – стук в дверь. Думала бабушка, что Алёша вернулся, распахнула дверь, а там стоит русоволосый, весёлый, широкоплечий, с пшеничными усами бывший жених Тони. Подхватил бабушку на руки, закружился с ней с хохотом. Приехал с Украины за невестой. Забегала бабушка, хлопотала, усадила, расспросила, а сама думает, как быть, чтобы не обидеть и выпроводить опоздавшего, а может, это и к лучшему, жениха. Решила рассказать всё как есть: Тоня и Василий любят друг друга, и не надо им мешать, и не надо упрекать, слишком долго его не было. Огорчился Фёдор, да делать нечего – ушёл. А бабушка решила ничего никому до времени не говорить.

Вернулись мои родители домой, уже законными мужем и женой, весёлые и счастливые. У них ещё вся жизнь впереди – трудная и тревожная, но пока они сияющие, принимали поздравления от Тониных сёстры и братьев, мечтали о светлом будущем, в новой стране Советов, их стране. Но недолгой была их радость. Кончился медовый месяц, Василию надо было явиться на работу по месту назначения в город Илек. Решили так: поедет он один, устроится на месте, подыщет жильё, а потом заберёт Тоню. Так он потом делал всегда, во время их многочисленных переездов. Очень часто писал письма – ласковые, страстные, но в каждом просил любимую свою жену подождать немного, пока у него всё наладится.

Тоня вначале терпела, была счастлива, знала – любит и любима, а потом заскучала, втихомолку всплакнёт, так, чтобы мать не заметила, а у бабушки глаз наметан, забеспокоилась: «Ну-ка, собирай вещи и езжай к мужу! Виданное ли дело – жить порознь? Муж и жена должны и горе, и радость делить пополам. Да и то, муженёк твой видный, красивый, весёлый, да и специалист готовый, Заеваешься – пиши пропал, бабы сразу захомутают.»

Так и выпроводила дочку. Поехала, думала, в городе муж живёт, времени свободного много, а оказалось всё иначе. Пришлось нанимать ямщика и ехать далеко в степь, где находи-

лись животноводческие кошары²⁰. Там её муж работал, там и находился большую часть времени, только изредка навещаясь в Илек по делам.

Очень Василий удивился, обрадовался и огорчился одновременно. Он даже представить себе не мог, как его жена, такая нежная и ласковая, будет жить в кошаре, спать вместе с ним на кошме²¹ и укрываться той же кошмой среди этих неаккуратных, малограмотных казахов, хотя очень добрых, приветливых и гостеприимных.

Отделили им пастухи угол в кошаре, устроили кое-как быт. Но долго это продолжаться не могло, поэтому Василий отправил Тоню опять к матери в Оренбург, пообещав вскоре приехать. И действительно вскоре он добился перевода в город Урда, Уральской области, на должность зоотехника уездного землеуправления. В результате переездов и волнений моя мама родила недоношенную, семимесячную девочку. Стали думать, как же её назвать, и тут мамина фантазия взяла верх. Из всех имён ей больше всего понравилось почему-то имя Кити. Так и зарегистрировали. Узнав о рождении внучки, бабушка приехала в Урду и после того, как Тоня и её дочь немного окрепли, забрала их в Оренбург. Всем хороша была внучка – белокожая, в отца, кареглазая, черноволосая, в мать. И росла хорошо, не болела, и любили её все, и радовались её появлению.

Только вот имечко дали ей родители... Терпела бабушка, терпела, да и решила по-своему. Взяла внученьку, завернула в одеяльце и понесла в церковь. Окрестили её там и назвали новорождённую рабу Божью Екатериной, о чём и записали в церковной книге за 22 июня 1926 года.

Эта неразбериха в именах позже, когда моя сестра Катя стала оформляться на пенсию, сыграла с ней злую шутку. В школе и в сельскохозяйственном техникуме она писалась по церковному свидетельству как Екатерина – следовательно, и диплом был на это имя, и на работе во всех документах тоже. А вот паспорт она получила на основании метрической выписки, и там она была Кити. Пришло время оформляться на пенсию, по паспорту и метрической выписке Кити, а по диплому и трудовой книжке Екатерина. Получается два разных человека в одном лице. Пришлось делать запрос в Оренбург для подтверждения, что младенец, крещённый в такой-то срок, действительно имеет родителей Юндина Василия Сергеевича и Юндину Антонину Васильевну. Пока суть да дело, Катя потеряла пенсию за три месяца.

Погостив у бабушки, мама с дочкой поехала опять в Урду. Но бабушка побоялась отправлять её одну с малым дитём и отпустила с ней младшую свою дочь Юлю.

У папы была очень трудная, хлопотная работа – надо было во всём уезде налаживать государственное животноводство, поэтому он постоянно находился в разъездах и командировках. А мама с Юлей и маленькой Катей одни дома. Юля ходила в школу. К этому времени пришёл к ним багаж из Оренбурга, а в доме, где они жили, не было хорошего замка: наружную дверь подпирали ломом. Папа хотел сделать замок, да не успел, и багаж до его приезда не решился распаковывать, так он и остался стоять в коридоре.

Наступила ночь, все уснули. И вдруг мама чувствует, что кто-то её раскрывает, стягивает одеяло. Открыла глаза – а это собака (была у них учёная овчарка сибирская по кличке Джек). Успокоила собаку, посмотрела, как спит Юля и Катя, и опять легла. А собака опять одеяло стягивает. Да в чем дело? А ночь лунная, окна морозные. Смотрит в окно, а там силуэт мужчины. Смотрит он в окно, а ему плохо видно. В комнате темно, а маме его хорошо видно. Встала мама,

²⁰ **Кошара** – (от тюрк. *koşar* – «загон, стойло») – в русском языке слово, заимствованное из тюркских и казахских говоров. Означает **загон, огороженное место или примитивное строение для содержания овец и другого мелкого скота**, нередко вместе с временным жильём для пастухов. В 1920-е годы на юге России, в Казахстане, на Урале и в Средней Азии кошарами называли целые животноводческие точки – деревянные или саманные хижины, где жили пастухи и располагались стада. В разговорной речи «работать в кошарах» означало работать в отдалённом животноводческом хозяйстве.

²¹ Кошма – плотный войлочный ковер из овечьей шерсти, традиционно используемый у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. Служил как настил, постель, покрывало или утеплитель в юртах и кошарах. В быту применялась для сна, сидения или укрытия от холода.

оделась. Что же думает делать? Слышит, лом упал, загремел. Значит, дверь открылась. Приоткрыла дверь и тут же захлопнула, поняла, это вор, он уже стоял возле багажа. Просунула лопату в ручку двери, выходящей в коридор, попробовала – не открывается, надежно. Пошла, разбудила Юлю. Сказала, что к ним вор лезет. Юля испугалась, вся затряслась. А у мамы откуда сила взялась. Схватила топор и к двери. Да как закричит: «Убирайся сейчас же! Не уйдешь, стрелять буду». Что еще она кричала, не помнила, но добилась таки, он ушел. Может, он не столько мамы испугался, сколько собаки с ее грозным лаем, а рядом была милиция. Приехал папа, послушал рассказ о происшествии, хохотал до слез. По всему было видно, что он не очень-то поверил, что такой наглый был вор, чтобы решиться на воровство рядом с милицией. Этим недоверием он сильно маму обидел, о чем она иногда ему напоминала. Как же человек, можно сказать, совершил героический поступок, а ему не верят?

К лету 1927 года Юля кончила 7 классов и поступила в педагогическое училище. И в этом же году умерла бабушка, мать моего отца, Матрена Павловна. Мама с папой и маленькая Катя жили в это время в одном доме с татарской семьей. У них тоже была маленькая девочка. Мама очень хорошо отзывалась о татарах. Люди добрые, гостеприимные. И так они подружились, эти две семьи, что жили как одна семья. Одна семья получала паек и зарплату в начале месяца, а другая в середине. Вот они и питались вместе. То один паек съедали, то второй. А тут надумал мой дед, папин отец, Сергей Леонтьевич, жениться. Жену себе подобрал молодую, а она ему заявила, что с ним жить будет, а дети его ей не нужны. Вот дед и выпроводил всех своих детей к старшему сыну. Папа тогда работал агрономом-инструктором сельского кредитного союза. Приняла мама их всех. Только и сказала татарке, что теперь питаться будут отдельно, так как увеличилась их семья аж на пять человек. Сама еще молодая, да неопытная, а тут сразу восемь ртов. Папа очень был недоволен выходкой отца своего, но пока терпел, да случай помог. Паек получали на троих, а питаться надо было восьмерым, пока еще их не оформили. Понятное дело, что было очень голодно. Мама вспоминает, что дети все время хотели есть, а папа так исхудал, что на него страшно было смотреть. У татарки девочка ночью просыпалась и просила есть, поэтому она на ночь ставила на столе кружку молока и лепешку. А тут вдруг стали эти лепешки пропадать. Терпела-терпела татарка, да и сказала маме, что она никого не подозревает, но куда-то же эти лепешки по ночам деваются. А тут соседи стали жаловаться, что у них из погребов стали пропадать продукты. У кого крынки с молоком, у кого еще что. Что же делать, позор-то какой. Моя мама никогда за всю свою жизнь ничего чужого не взяла и нас так учила. Лучше смерть от голода, чем позор. Решила она узнать, кто этим занимается. Сварила суп, подала на стол, отрезала по кусочку хлеба и пригласила всех к столу. Катя и самая младшая сестра папы, всего на год старше Кати, была не в счет. Эти слишком малы, да и брат Александр (мы его всегда звали просто Шурка) тоже. А вот сестры Нюра, Шура и Тиночка, эти могли. Мама разрешила есть только этим троим маленьким, а старшим не разрешила, до тех пор пока не признаются. Долго сидели, смотрели голодными глазами, как малыши едят, слышали запах из своих тарелок, но не признавались, молчали до вечера. Вечером мама повторила, все как и в первый раз. Опять все молчат, видно, договорились. А потом Тиночка не выдержала, заплакала и все рассказала. Покормила мама их, а ночью папа приехал, рассказала все как было. Папа на утро поднял детвору и отправил к отцу трех старших сестер. А младших, Веру и Шуру, мама пожалела и оставила пока у себя. И это пока растянулось на всю жизнь.

Наступил 1929 год. Папу перевели на работу в город Уральск, старшим зоотехником окружного животноводческого колхозного союза.

В декабре 1927 года состоялся XV съезд партии, на котором было решено сохранять высокие темпы индустриализации. Съезд указал: ... «задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи в деревне». К этому времени уже было ясно, что коллективные хозяйства дают лучшие результаты, чем мелкие и единоличные. Но крестьяне, при-

выкшие работать единолично, боялись и не хотели объединяться в колхозы. Хотя политика правительства была направлена на снижение стоимости инвентаря, предоставлялся долгосрочный кредит коллективным хозяйствам. Вот поэтому весь 1928, 29-ый и даже 30-й годы ушли на образование колхозов. Сейчас много пишут и говорят о том, что крестьян насильно загоняли в колхозы. Я как-то спросила отца, как это было на самом деле. И вот что он мне рассказал. Весь 1928 год он был агрономом-инструктором сельского кредитного союза и одновременно уполномоченным по организации колхозов. В некоторых селениях, после того как на собрании объясняли преимущества коллективного хозяйства, многие бедняки и даже середняки записывались в колхоз. Но как узнавали, что надо обобществлять лошадей, инвентарь и крупный рогатый скот, брали заявление назад. Было и такое, вечером на собрании пишут заявление, со всем согласны, а утром приходят и забирают. Активно работали кулаки и убеждением, и угрозами. Иногда приходилось и по десять раз собирать людей, делать расчеты, убеждать. И весь 29-й год отец занимался организацией колхозов и животноводческого хозяйства в Уральской области. В него два раза стреляли, но видно и правда он родился под счастливой звездой, как говорила мама. Первый раз прострелили головной убор, не задев головы, а второй раз зимой шел. Лунно, снег везде, видно его как на ладони. Но он уже был осторожен, услышал щелчок и сразу упал, очевидно, одновременно с нажатием курка. Его спасли доли секунды. Пуля пролетела над ним, а кулаки подумали, что убили, и убежали. Отец говорил, что насильно на Урале никого в колхозы не загонял, хотя дело это шло не очень активно. А после статьи Сталина «Головокружение от успехов»²², когда в правительстве поняли, что это длительный процесс и вступление в колхоз должно быть делом привлекательным для крестьянина, многие вышли из колхозов и к началу 30-го года в колхозе было примерно 21,4% крестьянских хозяйств. И только после того, как в колхозах появились трактора, сеялки, молотилки в достаточном количестве, многие колхозники сдвинулись с места.

Большое значение имело и раскулачивание²³. Нередко под влиянием кулаков попадали и середняки, и вели вредительскую деятельность против политики советского правительства на селе. В 30-м году некоторые середняки за такие дела были лишены избирательного права («лишенцы», как их называли) в их числе оказался и мой дед Юндин Сергей Леонтьевич. Жадность его сгубила. Даже своим сыновьям не поверил, и потом обида у него была. Так хотелось разбогатеть, так хотелось, чтобы сыновья ему помогали. Казалось, синяя птица уже в руках, да не вышло. Сыновья по направлениям уехали по месту работы и о собственном хозяйстве даже не вспоминали. Не стали они опорой для отца.

Папа целыми днями в работе, иногда и по несколько суток, бывал в молодых колхозах, помогал организовывать работу на животноводческих фермах. Дело это новое, нигде в мире не было такого опыта, не у кого поучиться, не с кем посоветоваться.

А мама тоже не сидела сложа руки. Теперь у нее было трое детей. Катя самая маленькая, Вера чуть постарше и шестилетний Шурка. Надо их и накормить, и обстирать, и обшить. На годовщину их семейной жизни папа подарил маме ножную швейную машинку. Вот и пригодились она. Да и душа болела вот по какой причине. Когда приехал к ним весь «Юндинский выводок», мама получила весть о смерти своей матери. Сообщили ей младшие братья Гриша и Коля. Добрались они к Тоне, думали пожить у неё после смерти мамы. Да как увидели,

²² Статья «Головокружение от успехов» – опубликована И. В. Сталиным 2 марта 1930 года в газете «Правда». В ней Сталин осудил «перегибы» при коллективизации, возложив ответственность за насильственные методы на местных исполнителей, а не на руководство партии. Он подчеркнул, что вступление в колхозы должно быть добровольным, а «успехи» коллективизации не должны «кружить головы». Статья вызвала массовый выход крестьян из колхозов и временное ослабление темпов коллективизации.

²³ **Раскулачивание** – кампания 1929–1932 годов, проводимая советской властью в ходе коллективизации. Её целью было ликвидировать «кулачество как класс». У зажиточных крестьян конфисковывали имущество, хозяйства разрушались, многие семьи ссылались в отдалённые районы Сибири, Урала и Казахстана. Термин часто применялся произвольно – под «кулаков» нередко попадали и середняки, и крестьяне, просто отказавшиеся вступить в колхоз.

сколько там народу – ушли. Как мама ни уговаривала их остаться, не помогло. «Тебе и так трудно», – ответили и ушли. И как в землю пропали.

Мама сразу не кинулась их искать. Думала, из Урды в Оренбург доберутся. А там Наталья, правда, очень легкомысленная девица, но ведь крыша своя над головой. А потом оказалось, что в Оренбурге они не появлялись. Где не искали их – никаких результатов. И у людей спрашивали, да толку от этого мало. Каждый по-своему где-то что-то видел или слышал. Некоторые говорили, что заболели и в больнице умерли, другие – что видели их, как они по помойкам и свалкам объедки собирали. Мама искала, ждала, надеялась, но безуспешно. Знали же они мамин адрес, знали и свой домашний адрес – и Юлин, и Нюрин, – а нигде не объявились. Видно, и впрямь где-то погибли. И всю жизнь, как только где в газете или по радио мама услышит фамилию Козловых, всегда вздрагивала. Даже я один раз увидела по телевизору выступающего Козлова А. Н., вдруг подумала: «А не брат ли он мой двоюродный?» И всё искала родные черты на его лице. Да разве теперь разберёшься?

Поработал папа в Уральске, наладил работу на животноводческих фермах в колхозах. Тут его перевели в город Пугачев Саратовской области в той же должности – старшим зоотехником окружного животноводческого колхозного союза. Поработал он там всего четыре месяца, поделился опытом – и тут его перевели в село Азинки Азинского района Саратовской области. Тут он работал зоотехником районного животноводческого колхозного союза, районного земельного отдела.

И везде следом за ним ездила мама, терпеливо переносила все тяготы жизни, все неудобства в связи с переездами, и везде таскала за собой детвору. Папа никогда не менял место жительства по собственному желанию, чтобы найти место потеплее, да подходящее и поспокойнее. Тем не менее встаёт вопрос: почему же он проработал в городе Пугачеве всего четыре месяца и был переведён в районное село Азинки? Вроде бы понижение, да нет. Дело в том, что советское правительство серьёзно занялось развитием высокопородного животноводства. В Англии были закуплены за валюту хряки и свиноматки белой английской породы²⁴

---

²⁴ **Белая английская порода свиней** (Large White) – высокопородная мясная порода, выведенная в Великобритании. В СССР завозилась в 1920—1930-е годы для улучшения отечественного свиноводства, особенно в Поволжье и на Урале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.